



Элла Дженкинс

Елена Добрынина

Добрынина Елена Эмма Дженкинс

<https://litres.ru/74164799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хорошо ли быть Эммой Дженкинс – старшеклассницей одной из лучших школ Бретонии?

Вполне: любящие родственники, верные подруги, отличные возможности, большие планы на жизнь...

Если, конечно, внезапно открывшийся магический дар, который то ли есть, то ли нет, не привлечет к тебе внимание Магконтроля. Да еще не активируется вдруг древняя клятва, соединяющая тебя с четырьмя совершенно неизвестными людьми.

Иначе придется, покинув привычную жизнь и полагаясь только на себя, искать тех, с кем связана кровью и жизнью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	53
Глава 5	65
Глава 6	77
Глава 7	91
Глава 8	101
Глава 9	116
Глава 10	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Добрынина Елена Эмма Дженкинс

Глава 1

– Эмма! Эм-ма-а-а! Э-ма-э-ма-э-ма, скорей на осмотр! Я уже все, благословен будь Источник. Доктор – душка, маг-сестра, правда, гримза. – В комнату влетел ворох голубых кружев и оборок, посредине которого при желании можно было обнаружить мою сестру. – Ты же помнишь, что у нас на этот день большие планы?

Помню, конечно, как не помнить. Последние пару дней – как только стало известно о приезде очередной комиссии – у Лиззи разговоров только о том, что в этот день не будет занятий и можно, наконец, улизнуть из школы.

Планы у нас, действительно, были грандиозные. Для начала пикник на берегу озера. Для этого не без помощи обаяния Лиз у сердобольных кухарок были выпрошены сэндвичи для «голодных девочек». В качестве одной из них Лиз, не долго думая, предъявила меня: и худа, и бледна, и кроткий взгляд бедняжки – глазки в пол, трепет ресниц и горестный вздох – давно отрепетирован. Составить нам компанию для не предусмотренного правилами завтрака на природе решили еще две одноклассницы, но у Джейн вечером поднялась

температура, а Тереза без подружки струсила. После пикника мы планировали искупаться, а затем пробраться в сад барона Степлтона: его усадьба, расположенная по соседству со школой, казалась давно заброшенной, но яблоки и сливы в саду родились на диво вкусными. А в самом конце весны, вот как сейчас, весь сад утопал в ароматной нежно-розовой пене яблоневого цвета, и гулять там было одно удовольствие.

– Эм-ма, очнись, – цепкие пальцы Лиз легко встряхнули меня за плечо и выдернули из задумчивости, как рыбешку из пруда.

– Слышу, помню, готова.

Я поднялась из кресла.

– Сэндвичи уже в сумке, смена белья там же, – заговорщицким тоном прошептала ей на ухо. – Только как ты собралась протиснуться через дыру в заборе в этом воздушном... хм... торте?

Я кивнула я на платье сестры.

– Сходи-ка, переоденься.

– ... во что-нибудь такое же скучное. – продолжила та. – Нет уж, может, я всю ночь мечтала, как буду гулять по цветущему саду в этом самом платье.

– Или торчать посреди забора.

– .. но обязательно в нем, – не сдавалась сестра.

– Хорошо-хорошо, я поняла, вытряхнуть тебя из платья нет никакой возможности.

Из-за такого вот упрямства плохо знающий Лиззи чело-

век мог бы заподозрить ее в недалекости, легкомысленности и неосмотрительности. Но я знала ее практически с самого рождения, поэтому понимала, что, во-первых, подобного рода капризы Лиз позволяет себе, когда речь идет о маловажных вещах. А во-вторых, раз упрямится, значит, имеет на это причины.

– Так-то, Эм. Как думаешь, что бы решили мэтрисс Шульц и эта зануда Вилма, если бы в первый же свободный день я вырядилась в дорожное платье?

– Что ты что-то задумала, – пришлось признать мне.

– По-моему, Барнет и Дженкинс опять что-то задумали! – донеслось так неожиданно, что я вздрогнула. – Все время шепчутся, это не к добру.

Ну вот, стоило вспомнить зануду Вилму – она тут как тут, словно демон из коробочки.

– Вилма, ты нас раскусила, – не стала юлить Лиз. – Как раз сейчас я пытаюсь подговорить Эмму... – Сестра перешла на заговорщицкий шепот и поманила чересчур догадливую одноклассницу пальчиком: – позаимствовать у милого доктора несколько пакетиков с желудочными порошками. Подсыпем их мэтрисс Глогг на следующей неделе, может, получится избежать опроса по рионскому.

– Я не в восторге от этой затеи, – не слишком убедительно пробормотала я.

– Хм, ну да, ну да, – многозначительно потянула мисси Заноза и неторопливо поплыла к своим приятельницам, пе-

риодически поглядывая в нашу сторону.

– По-моему, не поверила.

– Зато идею эту она запомнит. Пусть считает, что мы заняты чем угодно, но здесь, в школе, – проговорила Лиз, посылая улыбку Вилме. – Ну где же мэтрисс Шульц?

Последняя словно только и ждала вводной реплики.

Дверь тотчас открылась, причем очень уверенно и значительно (все, что делала мэтрисс Шульц выглядело уверенно и значительно, даже очки поправляла так царственно, что хотелось сделать книксен). Тихий шорох – это все ученицы, ожидающие в зале, повернулись на этот звук, – и мэтрисс Шульц показалась на пороге: крупная статная колонна, незыблемая как многотомная энциклопедия по истории родного государства – дисциплины, которую мэтрисс Шульц изволила нам преподавать.

– Мисси Дженкинс, Дикенс, Донован, Дрискол и Загорски, будьте добры проследовать за мной на осмотр.

Понадобилась пара мгновений, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, вызванное значимостью голоса нашей наставницы и еще пара, чтобы осознать, что прозвучало и мое имя. Небольшая суета – и вот уже наша пятерка следует по коридорам школы за мэтрисс Шульц, как утята за мамой уткой.

Пока мы шли, я успела прокрутить в голове план действий: быстро пройти осмотр, забрать сумки, отправиться на прогулку по школьному саду, найти заветную дыру в заборе, скрытую дощечкой (мы все руки занозили, пока прилажива-

ли ее обратно)...

– Мисси Дженкинс, прошу вас.

Передо мной распахнулась дверь медицинского кабинета: я первая по списку из нашей пятерки, мне первой и заходить.

В кабинете помимо привычного доктора Алистера (благообразного седого старичка, похожего на Снежного Деда и внешне, и добродушным характером) расположилась магсестра. «Грымза» - вспомнила я характеристику, выданную ей Лиз. Ну что ж, внешне она вполне походила на гримзу: желчное худое лицо с уже наметившимися морщинами, внимательные глубоко посаженные глазки, черные волосы, скрученные в тугой узел, серая форма Магконтроля.

– Мисси Эмма Дженкинс, стало быть. Проходите за ширму, голубушка, готовьтесь к осмотру. – Голос дока, чуть насмешливый, но обволакивающий заботой, подействовал на меня умиротворяюще (не на меня одну он так действовал, надо сказать, у нас даже уколов никто из девочек не боялся).

Осмотр проходил как обычно: доктор Алистер пощупал пульс («немного слабоват, голубушка, и щеки бледноваты, вам надо лучше питаться и больше гулять на свежем воздухе»), прослушал лёгкие («очень хорошо, мисси Дженкинс»), осмотрел язык и горло (одобрительный хмык), стандартные вопросы о самочувствии. Потом настал черед магсестры.

Я легла на кушетку. Грымза подошла с постным выражением лица, немного жестко надавила прохладными пальцами одной руки на солнечное сплетение, а палец другой колко

опустила мне на лоб, чуть выше переносицы. Сейчас она скупающим голосом скажет: «Нулевой уровень», и я могу одеваться и идти к Лиз...

Вместо этого магестра продолжала давить пальцами все сильнее. Я уже хотела было просить мистресс Грымзу быть поаккуратнее, но внезапно уловила в склоненном надо мной лице некоторое... беспокойство?

– Полтора уровня, – наконец произнесла магестра. – Направление и ось дара не определяется.

«Что? Я не ослышалась? Это невозможно! У меня же нет...»

– Можете одеваться.

«... нет никакого дара. Это ошибка какая-то...»

– Мисси Дженкинс! Одевайтесь. Попрошу вас не отлучаться надолго. Вас вызовут для беседы, после того как осмотрят остальных.

Одевалась я машинально и оттого несколько заторможено. Пальцы то и дело путались, застегивая ряд мелких пуговиц, а в голове мельтешили обрывки фраз и мыслей.

«Надо быстрее идти к Лиззи... пикник, сад... Полтора уровня... Как? Попрошу не отлучаться надолго... ось дара не определяется... бред, бред. Источник, какой же бред!»

Обратную дорогу я совсем не заметила. Зато четко запомнила, как изменилось выражения лица Лиззи. От радостно-нетерпеливого «Ну наконец-то!» до встревоженно-серьезного «Эмма, что случилось?», от розовощекого каприз-

ного ребенка до заботливой матушки. Казалось, Лиз мгновенно повзрослела.

То, что я позорно не разревелась в это мгновение – заслуга Лиз целиком и полностью. Именно она усадила меня в самое дальнее кресло и так строго цыкнула на любопытных девчонок, что никто не посмел подойти ко мне с каким бы то ни было вопросом, пока я рассказывала ей обо всем произошедшем

– ...не хочу никуда уезжать, – закончила я свой рассказ.

– Эмма, подожди паниковать. – Сестра сейчас так была похожа на па: то же деловитое выражение лица, те же сложенные на груди руки. Па точно таким же тоном вел сделки («Не будем торопиться, мастер Дэвидсон») и так же старался отложить эмоции в сторону, когда речь шла о важном. – Возможно, ничего ужасного и не случилось.

«Не случилось»... На самом деле для тревоги имелись все основания. Это только в старинных романах благородные юноши и прекрасные девы, обнаружив в себе внезапно проснувшийся дар, становились великими магами, свободно совершали чудеса, жили долго и счастливо и в конце уезжали в закат на прекрасном единороге. В реальности же ничего хорошего такие новости не несли. Любой мало-мальски одаренный магической силой человек сразу становился на учет в специально созданном для этого отделе Магического Контроля. За сокрытие таких способностей приговаривали к выжиганию дара или даже смертной казни.

Так как дар чаще всего проявлялся в юном возрасте, служащие Магконтроля раз в год проводили обязательные медкомиссии в школах, интернатах и приютах. Очень удобно — и здоровье воспитанников можно проверить, и новые дарования зафиксировать. И уж если выявлен у ученика свежесоткрывшийся дар, то тут два варианта: если он совсем мал (меньше двух единиц обычно), то ученика не трогают, только осмотры он должен чаще проходить, чтобы убедиться, что уровень не растёт. А вот если дар значительный, то хозяина его переводят в особое заведение — школу-распределитель Магресурса, где под контролем развивают и исследуют возможности дарования и решают, что с ним делать.

Более способных и сильных направляют в академии, университеты и далее, на службу на благо государства. Отказ тут не принимается, понятное дело. Тех, кто послабее, отпускают на вольные хлеба, взяв обязательное согласие оказывать государству содействие своим даром, если возникнет такая необходимость. А среди простых людей ходят страшные истории о том, как из Распределителей неизвестно куда пропадают юные маги, которым не посчастливилось чем-то привлечь к себе особое внимание Магконтроля. Или о том, что дети возвращаются из этих заведений сами на себя не похожие. Неудивительно, что никто в эту школу не рвется, кроме сирот и бедняков, для которых это хороший шанс выбиться в люди. Если же достаток определенный есть и планы на жизнь, такой сюрприз как внезапное открытие способностей

только ставит палки в колеса. У меня имелось и первое, и второе.

– Слушай, – Лиз снова ловко выудила меня из мрачных мыслей, – если твой дар уже стабилен и не будет больше расти, ты только в плюсе. Ну будешь пару раз в год комиссию проходить, невелика печаль. Зато какие возможности открываются! Знать бы только еще, какая именно у тебя способность. Ты ее совсем не чувствуешь?

– Совсем, – я покачала головой.

– Вот бы целительство или эмпатия! Иллюзии тоже неплохо, тут есть где развернуться. Как бы проверить?

– Джейн еще болеет, – вдруг пришло мне в голову. – Можно ее навестить.

– Отлично! – Лиззи с готовностью вскочила с кресла.

Снова идти в сторону лечебницы совсем не хотелось. Но любопытство не давало сидеть на месте, да и делать пока было нечего. Поэтому я прошла через ползала за сумкой, по пути шепнув Терезе, что мы идем навестить Джейн, чтобы остальные знали, где нас искать.

В лечебнице нас встретила мэм Чейни – дежурная медсестра, похожая на строгую, но добросердечную бабушку.

– Подружке вашей уже получше. Еще денек-другой полежит и вернется к вам, – рассказывала она, провожая нас к кровати Джейн. Та сидела в подушках и читала книгу.

– Лиззи? Эмма? – удивилась она и, убедившись, что медсестра прикрыла за собой дверь, прошептала: – я думала, вы

уже на пикнике.

– Тут такое дело, – присаживаясь на стул рядом с кроватью, начала Лиззи, – пикник отменяется. У нас новости получше. У Эммы открылся дар. Только какой, пока не ясно. Даже ось нельзя определить.

– Такого не бывает! Вы меня не разыгрываете? – Джейн смотрела во все глаза.

– Точно говорю.

– Эмма?

Я кивнула.

– И мы тут подумали... Может, Эмма попробует тебя исцелить?

– Н-у-у... – неуверенно потянула подруга, – а если у Эммы магия смерти? Мне только станет хуже!

– Она тихонечко.

– Ладно, – решительно отложила книгу Джейн, – пробуй, но на следующую вылазку вы берете меня с собой.

Она смиренно вытянулась в кровати и прошептала: «Готова». Я подошла к подруге и повторила действия нашего семейного целителя в Эрквуде: возложила левую руку на ее лоб, а правую – в область сердца и представила, как из моих рук течет целительная сила.

– Апчхи! Апчхи!

От неожиданности я отпрянула назад.

«Дзынь!» – вдребезги разбилась опрокинутая моей рукой чашка.

– Мда, – скептически прокомментировала происходящее Лиззи и принялась деловито собирать осколки. Тем временем я расспрашивала свою подопытную:

– Как ты, чувствуешь что-нибудь?

– Нет, ничего. Даже не вспотела, – развела руками Джейн.

– Эмма, а ты сама ощущаешь в себе какие-то изменения за последнее время? Может, ты стала любить растения, ухаживать за ними, или возиться с животными?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда ты точно не маг жизни. И, ставлю что хочешь, не огневик: ты не буйная совсем.

– Давайте рассуждать логически, – присоединилась к нам Лиззи, – кто еще остался? Эмпаты умеют всем нравиться. – Два критических взгляда на мою скромную персону. – Маги земли питают слабость к металлам и камням и любят скапливать все, что считают полезным. – При этих словах мне тут же припомнилась сцена весенней уборки, когда я хотела избавиться от львиной доли своих вещей, которыми не пользовалась, и сестра, рассовывающая «такие красивые платяца» обратно по шкафам. – Огневики вспыльчивы и эмоциональны. Воздушники легкомысленны и не любят сидеть на месте. Водники?

– Водники чувственны и меланхоличны, – жеманно изрекла Джейн, прижав к груди розовый дамский роман, вытасченный из-под подушки.

– Ну, не знаю, как с чувственностью, — рассудила я, – но

мист Ворт, владелец рыбных лавок в Брэдфорде, – водник. И он вполне бодр и весел.

– А еще лыс, толст, невысок.. и у него такие премиленькие рыжие усы щеточками. Можешь представлять его, когда читаешь свою книжку, – закончила Лиззи.

– Фу-у-у,— надулась было Джейн, но тут же не удержалась и захохотала вместе с нами.

– В общем, Эмма, я думаю, ты или маг воздуха или воды или...

– Менталист, — подхватила Лиз. — Про этих вообще ничего нельзя сказать наверняка.

Так мы болтали, пока в коридоре не раздались тяжелые шаги.

Дверь открылась, являя нам мэтрисс Шульц во всем ее великолепии.

– Девочки.. – Едва заметный кивок то ли в качестве приветствия, то ли в подтверждение своих догадок. — Мисси Дженкинс, вас ждут в кабинете доктора Алистера.

Оставалось только встать и проследовать за директрисой навстречу своему весьма туманному будущему.

Ночь выдалась пленительной и идеально романтической. Наверное... Во всяком случае, в романах, которые давала мне почитать Джейн, что-то такое упоминалось : «воздух замер, окутывая теплой прозрачной вуалью». И аромат сирени тоже «пронизывал» и «окутывал». И соловьиные трели тоже

присутствовали. И все это ужасно мешало спать.

Я вертелась с боку на бок, то скидывала одеяло, то натягивала его по самые уши. В голове прокручивались события прошедшего дня. Я снова оказывалась в кабинете доктора Алистера, снова сидела на жесткой кушетке, а док и Грымза смотрели на меня, док — с едва заметным беспокойством, магестра — неспешно пролистывая мою карту. Снова я слышала жалобный скрип кресла, когда мэтрисс Шульц царственно расположилась в нем, предварительно закрыв дверь кабинета.

— Итак, мисси Дженкинс, думаю, вы уже поняли, что у вас открылся дар, — начала Грымза. Дождавшись моего кивка, она продолжила. — Пока мы не знаем его направление, но можем зафиксировать его уровень: полторы единицы. Это достаточно сильный прирост за год. Нужно понять, что его спровоцировало. Подумайте и расскажите, какие изменения произошли с вами за этот год, физические и эмоциональные: болезни, потрясения, несчастные случаи?

И она принялась выжидательно сверлить меня взглядом.

Вопрос поставил меня в тупик. Потрясение в моей жизни было всего одно — гибель родителей, но это случилось давно. Текущий же год был спокойный и счастливый. Да, пожалуй, так. Травм и болезней (за исключением легкой простуды зимой) я не могла припомнить, а вот с физическими изменениями... Я почувствовала, что начинаю краснеть.

— У меня начался женский цикл, — пробормотала, ожидая

снисходительных взглядов. Однако, ответ, как ни странно, пришелся магсестре по вкусу.

– Да, это могло дать начало процессу, – кивнула она, немного подумав. – Какие-нибудь изменения в привычках, увлечениях, характере?

Глаза-колючки снова впились в меня.

– Нет, я ничего такого не замечала.

– Мэтрисс? – теперь вопрос относился к директрисе.

– Нет, Эдна. Ты знаешь, как серьезно я отношусь к своей работе, – голос мэтрисс Шульц, неторопливый и громкий, казалось, заполнял все пространство кабинета. – Я бы сразу увидела, если бы что-то было не так. Я же не пропустила тебя в свое время. У Эммы нет никаких внешних признаков. Это я могу гарантировать. Она все так же старательна, вдумчива, спокойна, озорничает не более, чем положено девице в ее возрасте. Тем удивительнее наличие у нее дара. Какой, говоришь, у нее уровень?

Грымза Эдна быстрыми шагами подошла ко мне, требовательно надавила пальцами на все в те же точки – солнечного сплетения и чуть выше переносицы.

– Четкое расширение ауры до уровня одной с половиной единицы. Но ни направления, ни ось установить невозможно, – произнесла она, пристально смотря мне на лоб. Затем убрала руки и повернулась к мэтрисс Шульц. – Это очень нехарактерная картина. Я собираюсь рекомендовать ее для перевода в Распределитель.

Кажется, на моем лице отразился ужас, потому что директриса наклонилась ко мне и ободряюще похлопала по руке.

– Мистресс Глостер, голубушка, так ли это необходимо?
– включился молчавший до этого доктор Алистер.

Магестра поджала губы.

– Действительно, Эдна, – поддержала дока мэтрисс Шульц, – для девочки это такой стресс, дар неясен, уровень пока не так критичен. Я могу наблюдать за ней и при первых тревожных признаках сразу сообщу в Контроль. Эдна, я прошу.

Только мэтрисс Шульц могла упрашивать об одолжении с таким достоинством.

– Ну-у хорошо, – произнесла, наконец, Грымза. – Пока я оставляю мисси Дженкинс в школе под вашу ответственность. Но через три месяца она обязана пройти полный осмотр. Если уровень будет расти, то она немедленно, безо всяких условий, переводится в Распределитель.

Я выдохнула. Оказывается, все это время я почти не дышала.

Три месяца.. Даже в худшем случае у меня есть отсрочка, а там, глядишь, и дар расти не будет, я закончу школу с Лиззи, мы будем помогать Па в его деле...

– Эмма, ты можешь быть свободна, – ворвался в мои мысли голос директрисы. – Да, не пиши пока мастеру и мэм Барнет, я сама поставлю их в известность.

– Да, мэтрисс, до свидания доктор, мистресс. – Я пулей

вылетела из кабинета, спеша скорее поделиться новостями с Лиззи.

Остаток дня прошел в приятных повседневных делах. И спать я ложилась с легким сердцем. Но вот заснуть не смогла. И теперь ворочалась, пряча голову под подушку от соловьиного пения. И только когда я принялась вспоминать прочитанный параграф по истории, сон принял меня в свои объятия.

Мне снова снится мой любимый сон. Мне лет двенадцать, и я играю со своими друзьями-мальчишками. Сегодня мы стреляем из луков, а потом скачем на лошадях наперегонки. Ощущение полета, бесшабашного веселья, приятной усталости и радость от того, что рядом друзья – те, кому можно доверять. Я пеняю парням на то, что они поддавались, не пуская лошадей в полный галоп, а ведь я уже могу быстрее. Я бы точно их сделала и так! Они хохочут, отнекиваясь, призывают в свидетели Источник, но пальцы за спиной держат в отвращающем знаке. Я люблю эти сны, они такие живые и намного лучше тех книг про приключения, которые я читаю. Ма говорит, что мне не хватает приключений в обычной жизни, оттого мое подсознание и посылает такие сны. Наверное, она права. Но меня все устраивает, пусть лучшие такие авантюры будут во сне, так безопаснее, я же всегда могу проснуться. Жалко только, я не знаю, как зовут моих выдуманых героев..

Глава 2

«..Мелисса бросилась было к выходу, но грозная тень прислужника замаячила в дверном проеме. Она в ловушке! Что же делать? Неужели все пропало, и все старания были тщетны?. Она попробовала призвать силу ветра, но магия в этом проклятом месте не действовала..»

– Эм-ма! Эм-ма-эм-ма!! - раздался снизу голос Лиз. – А, вот ты где! Как ты туда забралась-то? А, вижу. Я к тебе.

Эх, а я так хотела скорее узнать, как Мелисса выпутается из этой безвыходной ситуации. Но книгу пришлось отложить.

Через пару минут пыхания Лиз забралась на соседнюю ветку.

Да, да, я прекрасно устроилась на одной из яблонь в заброшенном имении по соседству и наслаждалась погодой, ароматом цветов, книгой и тишиной. Улизнула я сюда после завтрака, благо день был выходной, и уроков никаких не предвиделось.

– Как же хорошо! – Лиззи пригнула к себе веточку с соцветиями и вдохнула их упоительный аромат. – Жизнь прекрасна! Скоро лето, надо только сдать эти демоновы экзамены. Что читаешь? Опять эти сказки? Ну, это все равно лучше, чем романы, которыми увлекается Джейн. Я заглянула как-то в один из них. Как же там ... «я плавилась в его объё-

тиях, тонула в его глубоких синих очах».. Какой-то кошмар, чем люди себе головы забивают. Лучше уж еще раз перечитать папины «Основы ведения хозяйства». А у тебя про что?

– Приключения. Главная героиня сейчас в ловушке, магия не работает, интересно, как она оттуда выберется?

– Как-как, могу поспорить, ее придет спасти герой! И героиня тоже будет тонуть и плавиться и в конце обязательно выйдет замуж.. Ску...

Фразу Лиз прервал удивленный присвист, и только сейчас мы заметили двух мужчин, которые шли по дорожке прямоком к нашему дереву.

– О, Степлтон, смотри, в твоём саду, кажется, поселились дриады. Доброе утро, дивные создания!

Как ни были мы пойманы врасплох этой неожиданной встречей, но самое главное выделить смогли:

«В *твоем* саду»? – «Степлтон?» – воскликнули одновременно.

– Да, мисси, разрешите представить вам моего дорогого друга миста Джона Степлтона. Двоюродный дядюшка, мир его праху, оставил ему в наследство имение, где мы и имеем счастье вас лицезреть.

Говорящего я со своего места не видела (за исключением припыленных дорожных сапог) — его закрывала роскошная ветвь цветущей яблони, а вот сам «дорогой друг» просматривался прекрасно: невысокий (насколько можно об этом судить, сидя на дереве), довольно плотного телосложения брю-

нет с круглым добродушным лицом. Выглядел он несколько смущенным: то ли такой фамильярной рекомендацией, то ли тем, что встретил в своем имении незаконно пробравшихся туда девиц.

Ситуация, действительно, складывалась щекотливая. Надо было приносить извинения за вторжение, слезать с дерева, стараясь не терять при этом достоинства (а это не так просто, когда за вами наблюдают) и гордо удаляться (желательно не через уже привычную дыру в заборе).

– Очень, приятно, мист Степлтон, — умница Лиз, вежливость прежде всего, – и ...

– Мист Эверт Диксон к вашим услугам, мисси.

О как, оба маги.

Из любопытства я чуть повернулась так, чтобы разглядеть представившегося.. И совершенно зря это сделала, лучше бы так и сидела, склонив голову, как робкая монашка. Потому что эту нахальную, самодовольную физиономию я узнала сразу же.

Дело было на ярмарке в честь Начала Года, который мы празднуем в конце зимы — в то самое время, когда еще холодно, но воздух уже пахнет обещанием весны, и солнце целует щеки тепло и дружелюбно. В каждом доме целую неделю идут гулянья, пекутся круглые масляные пышки-солнышки, призывающие весну. Лиззи в этом году не повезло — как раз под праздник она заболела ангиной и лежала дома.

Я же вместе с нашими соседями – мастером и мисси Хиггис и их двадцатилетней дочерью Аннабель— поехала на ярмарку в Брэдфорд – ближайший крупный город от нашего Эрквуда. Разумеется, я обещала привезти сестре гостинцев.

Стояла чудесная погода. Солнце грело уже почти по-весеннему и само походило на самую большую из лакомых пышек, которыми так вкусно пахло в воздухе. Веселье шло полным ходом: яркие карусели, ряды шатров с лакомствами и сувенирами, игры, шуточные соревнования. И царицей ярмарки над городом высилась ледяная гора. Маги-водники постарались в этом году на славу. Их творение поражало размерами и тонкой вязью переливающегося снежного орнамента по бокам. Хохот, визги, пестрый поток катающихся— все это манило, завораживало — так и хотелось оказаться там, в самой гуще событий!

Мастер Хиггис проголодался, и было решено, что они с супругой останутся отобедать в ресторации на открытом воздухе вместе с компанией старых знакомых семьи, а нас с Аннабель отправили «повеселиться». Веселиться было сложно, так как Аннабель явно искала в толпе кого-то. Очень быстро стало понятно, что этот «кто-то» – долговязый молодой мужчина со смешными пшеничными усами. По излишнему воодушевлению, возникшему на лицах этих двоих при встрече, стало понятно, что я здесь третий лишний. Слушать воркования влюбленной парочки не было ни малейшего желания. Мы договорились разделить и встретиться у лавки с жа-

ренными каштанами через час. Куда направилась радостная парочка, я смотреть не стала, зато точно знала, куда хочу сама: прокатиться с ледяной горы, а потом пройти по рядам, купить пышек с вареньем, карамельных яблок и гостинцев для сестры.

Пока я, глаза по сторонам, поднималась на гору по выстланной синим узорным ковром лестнице, меня обгоняли мальчишки с лихо заломленными шапками и раскрасневшиеся девочки-гимназистки в одинаковых темных пальтишках. Здесь были все: и влюбленные парочки, и отцы семейств с малыми детишками, и даже почтенные матроны с воспитанниками. Почти на самом верху расположилась шумная компания студентов магакадемии (судя по взрывающимся в воздух маленьким фейерверкам, снежным вихрям, слетающим с ладоней и крошечным смерчам, подхватывающим эти вихри в совсем уже замысловатых танцах). Хохот парней, разгоряченных праздничным пуншем мешался с заливистым смехом девушек и развеселыми шуточками, от которых у меня запылали уши.

Я прошествовала мимо и подошла к устроенной почти на самом верху лавке, где выдавали ледянки – круглые, похожие на плюшки, подушки для катания с горы, покрытые снизу магическим льдом. Не успела я с ледянкой подойти к самому краю, как меня опередила группа тех самых студентов, обдав ароматами пряного пунша, конфет и цветочных духов. С удивлением я смотрела, как они буквально из ниче-

го (а на самом-то деле, конечно, из воздуха и снега), создали несколько ледянок в виде небольших кораблей. Затем маги с улюлюканьем попрыгали в них и, хохоча и толкаясь бортами, помчались вниз. А после них уже поехала я. И поняла, что такое настоящее волшебство: свист в ушах, свежая ледяная крошка в воздухе, морозный ветер, несущийся в лицо, ярмарочные огни, которые слились в сплошной поток цвета и света, отражаясь, словно в зеркале, в гладкой поверхности льда.

Когда ледянка остановилась, я еще мгновение сидела неподвижно, стараясь продлить ощущение абсолютного восторга. А затем встала и собралась идти на второй заход.

И тут абсолютно без предупреждения, резко и грубо, меня что-то сбilo с ног. Да так сильно, что отбросило прямо в сугроб (благо, по бокам от ледяной трассы были расположены пушистые валы из снега специально для подобных случаев). Пока я летела, успела услышать раскатистое «Зар-р-раза», а дальше меня принял в свои объятия снег, залепил уши, глаза, и реальность на время исчезла. Пара мгновений понадобилась, чтобы осознать следующие факты: я могу свободно шевелить ногами и относительно свободно руками, почти ничего не болит (только ноет нога, на которую, по большей части, пришелся удар), мне холодно (и ладно бы только это относилось к лицу и рукам, но ноги тоже мерзли). Еще через мгновение мне пришлось принять тот факт, что в данную минуту я торчу ногами вверх (ну или вбок, что не очень

спасает ситуацию) на центральной площади города в самый разгар праздничных гуляний, моя зимняя бархатная юбка задралась, и отдыхающий люд имеет сомнительное удовольствие любоваться моими рейтузами. В панике я бестолково задрогалась, задела кого-то ногой и от этого забарахталась еще больше. А затем почувствовала, как чьи-то руки подхватывают меня за талию и вытаскивают из сугроба как вульгарную морковку из грядки.

«... эту вольность. Но не тащить же вас за ногу», – были первые слова, которые я услышала после вынужденной тишины.

Передо мной стоял студент, маг (это отметила первым делом, так как взгляд уперся в пуговицу форменной шинели), выше меня примерно на голову (упомянула исключительно потому, что для дальнейшего осмотра пришлось задрать подбородок). Ну и что я увидела? Этот тип, прости Источник, едва сдерживал смех! Нет, голубые глаза его смотрели вполне участливо, но уголки губ то и дело подрагивали. И это стало последней каплей: растерянность очень быстро переросла в негодование.

– Голова не кружится, нужна помощь лекаря? – как-то совсем по-свойски спросил тип.

– От вас мне не нужна никакая помощь! – гордо заявила я.

Тип насмешливо приподнял бровь, что разозлило еще больше. И чтобы продемонстрировать сказанное, я решила возмущенно отойти на шаг. Оказалось, это сложно сделать,

если твоя левая рука судорожно сжимает рукав того, от кого ты хочешь отшатнуться. Еще сложнее оказалось сохранять презрительное выражение лица, когда в результате собственных несогласованных действий ты падаешь вперед на своего визави, чтоб демоны его за пятки щекотали, и утыкаешься носом прямо в грудь.

– Не то чтобы я не пользовался успехом у дам, – послышался донельзя довольный голос, – но чтобы юная мисси сама упала в мои объятия в первые пять минут знакомства... Это впервые.

Я тут же отпрянула чтобы удостовериться, что этот тип нагло улыбается, даже не пытаюсь скрыть веселья.

– Я жду ваших извинений, – постаралась произнести как можно более холодно, но голос предательски сорвался, и результат вышел жалким.

– А тех, что уже прозвучали, пока я вас вытаскивал, недостаточно? – удивился студент.

– Нет. – Уточнить, что в сугробе, как оказалось, посредственная акустика, я не стала.

– Ну что же. Приношу свои извинения за то, что оказался настолько сногсшибательным, что вам не удалось передо мною устоять!

– Что-о-о? Да вы издеваетесь! Вы... да вы... самовлюбленный болван! – Негодование поднялось во мне с новой силой, до сжатых пальцев, до злых слез. – Идите кривляйтесь перед своими, – я махнула рукой в сторону оживленной компании

студентов, – они смогут ответить вам достойно.

Я резко обернулась и пошла прочь, не собираясь продолжать этот разговор, но успела услышать, как тип пробормотал себе под нос: «Да у вас тоже неплохо получается».

– А воробышек-то с характером! – донеслось откуда-то сбоку, со стороны группы любопытствующих зевак, которые, как оказалось, с интересом следили за происшествием, попивая пунш.

– Мисси, я не хотел вас обидеть, только поддразнить слегка, прошу простить, – виновник моего позора в два шага догнал меня и перегородил дорогу. Теперь в его голосе не слышалось насмешки. – Могу я как-нибудь загладить свою вину?

В глазах и в самом его тоне не было ни прежней фамильярности, ни почти дружеского подтрунивания. Но облегчения это почему-то не принесло. Скорее наоборот.

– Можете. – Все силы уходили на то, чтобы держаться холодно и гордо. – Оставьте меня в покое. Не имею желаний вас видеть.

– Ну что ж, – он обозначил легкий поклон, – тогда обещаю не досаждать вам своим обществом, пока вы сами об этом не попросите.

Вот и поговори с таким... Я снова ощутила досаду. К тому же впервые за время этого неприятного разговора заметила, как неряшливо выгляжу: верхние пуговицы полушубка расстегнулись, медальон, который я носила на теле, лежит

поверх полушубка; щеки, лоб и нос мокрые от растаявшего снега. Я торопливо прошлась ладонью по лицу, и, зажав медальон в руке, не отказала себе в удовольствии оставить последнее слово за собой:

– Надеюсь, слово вы держите лучше, чем извиняетесь.

– Уж будьте так уверены . . . воробышек.

– Вы опять? Извольте выполнять обещанное! – на этом я, наконец, удалилась.

И только пройдя пару шагов, заметила, что пальцы, сжимающие медальон, слегка измазаны кровью. Я приложила ладонь к носу: так и есть — небольшое кровотечение, следствие волнения. Со мной давно уже такого не случалось, хотя после гибели родителей бывало частенько. Хорошо, что никто не заметил, не хватало еще, кроме всего прочего, прослыть замарашкой. Как могла, на ходу привела себя в порядок. О возвращении на гору речи не шло. Меня до сих пор потряхивало от возмущения. Я решила пройтись по ярмарочным рядам, побаловать себя горячим угощением, а затем купить подарок Лиззи. Уже гораздо позже, дома, когда я рассказывала сестре о случившемся, и она, смеясь, спросила: «Он хоть был хорош собой?», поняла, что да: был . . . хорош. Если бы не это обстоятельство, возможно, мне не было бы так досадно.

Вот так произошла наша первая встреча.

Сейчас же я сидела на яблоне, решая, что лучше: попы-

таться спрятаться за книжкой и надеяться, что меня не узнают, или вести себя естественно и делать вид, что это я его не узнаю.. Ну вот не помню. Имею же я право его не помнить, в конце концов?! Эверт Диксон, подумаешь...

– Мист Степлтон, мы с сестрой приносим свои извинения за то, что воспользовались вашим садом без разрешения, но дело в том, что нам совершенно негде уединиться, – Лиз потупила взгляд, одновременно подавая мне знаки, мол, не спи, вступай в беседу. Но я снова раскрыла книжку и трусливо уткнулась в нее носом.

– Видите ли, Эмма у нас такая пугливая романтическая натура, а у вас такой красивый сад, – в отместку мне за этот саботаж протянула так называемая сестра.

Пришлось снова захлопнуть книгу и, наконец, взглянуть на молодых людей, пока Лиз не выставила меня еще большей дуручкой. Не очень глубоко уважаемый мною мист Диксон почти не изменился с зимы, только волосы его сейчас были аккуратно уложены, и вместо зимней форменной шинели на нем красовался дорожный костюм коричневых оттенков. Пока я все это рассматривала, означенный выше субъект внимательно разглядывал меня, видимо, силился вспомнить, где он меня видел. Я презрительно хмыкнула. Взгляд субъекта тут же просиял:

– О, вот теперь я вас узнал. Счастлив вас снова видеть, воробышек, в более привычной вам среде обитания, — он обвел рукой крону яблони, на которой мы сидели.

– Не могу ответить вам тем же, — как можно сдержаннее постаралась произнести я, и поспешила объяснить ситуацию мистру Степлтону. — Нам уже приходилось встречаться с мистром Диксоном, и мы оба остались не в восторге от этой встречи.

Последний хотел было возразить, но почему-то передумал.

– Лиззи, кажется, нам пора, — обратилась я к сестре, которая с интересом смотрела то на меня, то на мужчин.

– Да, да, Эмма, ты абсолютно права, мы и так чересчур злоупотребили вашим гостеприимством, — кивнула она маме. – Вы не поможете нам спуститься?

Самая милая улыбка была отправлена молодому хозяину поместья.

– О, конечно, — быстро отреагировал тот с легким поклоном и, вежливо придерживая Лиз за талию, снял ее с ветки.

Диксон же, демона ему под одеяло, только вопросительно посмотрел на меня.

– Справлюсь сама, — быстро сообщила я ему на всякий случай.

– Нисколько в вас не сомневался, — улыбнулся тот.

Получилось почему-то обидно. Тем не менее я быстро убрала книгу в карман платья и полезла вниз. Оставалось всего ничего – повиснув на ветке, встать ногой на хорошо знакомый сучок, и – вуаля, я внизу. Но именно этот момент выбрал вышеуказанный демонов сучок, верой и прав-

дой служивший мне не один десяток раз, чтобы окончить свое существование. «Хрусь!» – и я, не удержавшись, падаю прямо на одного самодовольного типа. Тот, надо признать, вполне ловко меня подхватил и поставил на землю.

– Снова и пяти минут не прошло с момента встречи, а вы в моих объятиях. Вы слишком падки на меня, воробышек.

– Не смейте называть меня так! – Я скорей отстранилась, уши и щеки мои пылали от злости и смущения.

– Не пугайте девушку, Эверт, она не привыкла к вашим шуточкам, — улыбаясь, произнес Степлтон. – Мисси Эмма, не принимайте близко к сердцу, Диксон отличный малый, но бывает излишне насмешлив.

– Вы не проводите нас? – Это снова Лиззи изображает белокурую фею дабы сгладить неловкость.

– Как можно отказать таким прелестным мисси?

– Вы надолго в наши края? И, если не секрет, каков ваш дар? — вопросы лились из Лиззи как сила из Источника. И мы очень быстро узнали, что мист Степлтон в имении лишь проездом – они с другом решили совершить конную прогулку и заодно осмотреть наследство. Что заняться им вплотную он сможет, когда окончит Академию, а произойдет это в следующем году. Что он маг жизни, нет не целитель, специализируется на не столь интересной отрасли, а именно, на возвращении растений. На этом месте глаза Лиз алчно сверкнули, и она вцепилась в Степлтона всей своей практической хваткой: па держал завод по производству продуктов пита-

ния, а также поля и теплицы, где выращивались нужные для производства культуры — все это сестра также втолковывала своему собеседнику, перемежая рассказ большим количеством вопросов. Меж тем мы с Диксоном шли, не обменявшись ни словом. Через минуту-другую он решил прервать молчание.

– А чем занимается ваш отец?

– Мои родители погибли. Давно. Я живу у дяди с тетей.

– Значит, у нас с вами больше общего, чем вы думаете, — после некоторого молчания отметил все еще неприятный мне тип.

Я промолчала. Что тут скажешь? Ни один ответ не будет к месту.

– Эмма, представляешь, мист Диксон — менталист! — громко воскликнула Лиз.

Я с сомнением покосилась на мужчину, шагающего рядом со мной. Тут было чему удивиться. Во-первых, ось дара «разум-чувства» была самой редкой среди всех магических осей. И хорошие менталисты ценились на вес золота. Естественно, все они должны были проходить государственную службу. И зачастую, в особых подразделениях. Во-вторых, образ Эверта Диксона настолько не вязался с моими представлениями о менталистах — холодных, контролирующих каждый свой шаг и слово, все заранее просчитывающих, — что поверить в услышанное было трудно.

– Менталист? Вы?

– А не похож?

Я покачала головой. И тут же насторожилась.

– А вы не...

– Я не читал ваши мысли. Даже не думал. И не смотрите на меня с таким укором. Во-первых, это не совсем законно, во-вторых, ваши мысли и так написаны у вас на лице, а в-третьих, если бы я попробовал это сделать, вы бы почувствовали вот это, – он внимательно посмотрел мне в глаза.

У меня защекотало в голове ...изнутри. Очень странное ощущение –скорее забавное, но если не ожидать его, ни за что не заметишь.

– Запомнили? Если почувствуете такое рядом с кем-то, можете сразу устраивать скандал. И да, спасибо, мне тоже нравится цвет моих глаз!

– Вы невозможны, – признала я неожиданно для себя самой.

Диксон, улыбнувшись, развел руками.

– Значит, вы будете служить? - решила я сменить тему.

– Придется, это мой долг. Но я точно знаю, чем займусь, когда отдам его — буду целыми днями бродить по городу и читать мысли юных мисси.

– Вы опять подшучиваете надо мной?

– Лучше уж шутить, чем плакать, не так ли? – произнес мой собеседник, даже не смотря в мою сторону.

Молодые маги проводили нас до ворот, и распрощались мы с ними на вполне дружеской ноте. Мист Степлтон разре-

шил приходить в яблоневый сад, когда нам будет угодно, даже обещал повесить там качели. Всю дорогу до школы Лиззи восторгалась, тем, что свела такое полезное знакомство.

После обеда я, вспомнив об отложенной книге, снова открыла ее на том месте, где остановилась. «..Она попробовала призвать силу ветра, но магия в этом проклятом месте не действовала. Мелисса уже готовилась дорого продать свою жизнь, как вдруг прислужник упал, пронзенный стрелой и девушка увидела его..»

Не-е-ет, только не это! Кажется, Лиз была права и все эти истории — сущие глупости.

Ночью мне снова снится яркий сон. Я на опушке леса, где мы иногда играем с друзьями. Но сегодня мне не везет: я оказываюсь в компании враждебно настроенных сверстников. Они что-то кричат мне, судя по злым лицам, это что-то малоприятное. Звуки я слышу плохо, урывками, словно плаваю под водой и только иногда выныриваю на поверхность.

Они обступают меня кольцом и насмеваются, бросают в лицо какие-то обвинения. Я могу разобрать только «пустышка» и еще, кажется, «ублюдок». Они сбивают меня с ног воздушными вихрями, бросаются огненными шарами, прожигая дыры в одежде и опалая волосы. Я не выдерживаю и кидаюсь на одного из них, успеваю приложить его кулаком так, что костяшки пальцев обжигает болью. Уже готовлюсь к новому раунду неравного боя, как мои против-

ники неожиданно отступают.

Я замечаю на опушке друзей и бегу к ним со всех ног. Картинки мелькают, как в калейдоскопе. Вот двое «наших» готовятся вступить в драку: над рукой одного небольшой водяной смерч, другой припал ладонью и коленом к земле. Третий вышел вперед и что-то кричит моим врагам: «Если.. .еще раз.... только попробует.... за себя не ручаюсь...», потом застывает на мгновение — и недоброжелатели в панике бегут. Я же тем временем повисаю на руке у четвертого — темноволосого мрачного юноши, который сосредоточенно смотрит вослед убегающим. Он сжимает в кулаке камень. «Не надо, пожалуйста», - шепчу я. Он раскрывает руку - и на землю осыпается серый пепел.

Глава 3

Чем омрачено начало лета у старших школьников? Конечно, экзаменами. Слава Источнику, большинство из них мы уже сдали, остался последний рывок, но какой— история родного государства у мэтрисс Шульц.

Сейчас все ученицы с унылым видом зубрили учебник истории— списать у мэтрисс Шульц было просто невозможно. Я тоже не была исключением, и сидя на кровати, в который уже раз перечитывала один и тот же скучнейший параграф о смене режима правления, который произошел чуть больше ста лет тому назад.

«На 1954 год от возникновения Источника ситуация в Бретонском королевстве сложилась следующая: из-за быстрого роста уровня технического прогресса значительный капитал скопился в руках буржуазии. Сила Магического Источника продолжала уменьшаться, и людей с магическим даром рождалось все меньше. Даже в знатных семьях, славных своей родовой магией, нередко появлялись на свет дети без дара. Все это привело к тому, что монархия, издревле опирающаяся прежде всего на поддержку отмеченных силой Источника аристократических родов оказалась в шатком положении. Его величеству Вениамину Четвертому пришлось принимать сложное решение ограничить свою власть, передав часть своих полномочий Парламенту

(в состав которого в равных долях входили как представители магического, так и немагического сообщества). В последующие десятилетия эти тенденции продолжились и даже усугубились за счет внешних обстоятельств. Под последним понимаются культурное, экономическое и политическое влияние соседних стран – Рионы, в которой в 1897 произошла революция, а также республик Неймарии и Карилии.

Ситуация достигла своего пика, когда на престол взошел Ригард Второй. Не имея прямых наследников и понимая, что страна может окунуться в пучину междоусобиц и даже гражданской войны, он заключил беспрецедентное соглашение с Парламентом. Он согласился провести ряд кардинальных реформ, как то: упразднение сословий, расширение полномочий служб Магконтроля (отныне магически одаренные лица должны были вставать на учет), запрет на применение в общественных местах магии выше четвертого уровня без специального разрешения и тд). По сути, весь период правления Ригарда Второго являлся попыткой плавного перехода от монархии к республике. После кончины этого монарха в 2028 году от в.И. политическое устройство было изменено официально, и Бретонское королевство превратилось в республику Бретонию.»

Читая все это раз, наверное, в шестой, я поняла, что этот параграф учебника навяз в голове словесной жвачкой: мысли разбегались куда угодно, только бы подальше от истори-

ческих премудростей. Поэтому я очень обрадовалась, когда в комнату вошла Лиззи, крутя в руках вскрытый конверт из плотной белой бумаги.

– Мама прислала письмо! - радостно сообщила она, плюхнулась ко мне на кровать, и мы принялись читать.

Ма писала, что мэтрисс Шульц разговаривала с ней по лонгофону (па настоял, чтобы у нас в доме было это новомодное изобретение) и сообщила, что у меня открылся дар непонятого пока свойства. Ма была бесконечно удивлена (еще бы!), но прислала такое количество слов поддержки для меня, что на сердце стало тепло и радостно. Еще ма сообщала, что в этот раз пораньше, сразу после экзамена (то есть уже завтра!), придет Харриса, чтобы он доставил нас в Эрквуд.

Настроение сразу поднялось. Учебники были временно отложены, и мы с Лиз кинулись собирать вещи.

Харрис прибыл после обеда, когда мы с Лиз уже изнывали от нетерпения. Мы выбежали навстречу и бросились в надежные и такие знакомые с детства объятия. Старый добрый Харрис в вечном клетчатом пиджаке, пропахшем табаком и сладковатым одеколоном, с ласковой улыбкой, прячущейся в пышных усах. Он так прочно ассоциировался с домом, что казался его добрым духом. «Ну, стрекозки, вы уже готовы? Вижу-вижу, что готовы. Уж как родители-то вас заждались. Собирайтесь, я только к директрисе вашей зайду, и поедем».

Мы не заставили себя упрашивать, и уже четверть часа спустя наш магикар отправился в путь.

Болтая, мы с Лиз не отказывали себе в удовольствии глядеть в окна. Симпатичные дома — и старинные, с вычурными колоннами и лепниной, и совсем новые с большими окнами необычных округлых форм и причудливой росписью, огромные словно замки и совсем маленькие, но абсолютно все утопающие в свежей зелени садов и клумб. Широкие поля пшеницы, холмистые луга для выпаса скота, обширные теплицы — все это южная часть Бретонии, где мы родились и жили всю свою с Лиззи жизнь. На дороге изредка нам встречались магикары и чуть чаще — конные экипажи. Пару раз до нас доносился приветственный гудок паровика, а недалеко от Брэдфорда мы увидели, как в небе пролетел цеппелин из Лиденбурга — нашей столицы — и, конечно, к неудовольствию Харриса высунулись из окон, чтобы помахать ему вслед рукой. Полные таких приятных впечатлений, чуть не подпрыгивая от нетерпения, мы, наконец, достигли родного Эрквуда.

Как только ворота открылись, в доме началась суматоха — забегали пострелята, помогающие в доме и саду, застучали каблучки в холле, и на площадку перед домом выбежала ма — все такая же красивая, в темно-синем струящемся платье по новой моде, без единой пуговички. Волосы ее волнами ложились чуть ниже плеч. Как всегда, при взгляде на нее, меня охватил целый вихрь чувств: радость от долгожданной встречи, восхищение ее красотой и тем душевным теплом, которое она излучала, а еще грустная нежность — она была

очень похожа на мою маму.

«Джим, спускайся скорее, девочки приехали!» - крикнула она, смотря вверх. Значит, па работал в своем кабинете на втором этаже.

«Ах, ну дайте же скорее вас обнять. Как вы доехали? Харрис, вы сможете поднять наверх их вещи?» – к тому моменту, как на крыльце показался па, мы обе уже были затисканы, зацелованы, осмотрены со всех сторон, а еще наслушались охов и ахов по поводу того, как мы выросли и похорошели.

-- И кто же это к нам пожаловал? Не успел па это проговорить, как Лиззи с радостным воплем бросилась к нему, чуть не сбив его с ног. Но па был крепок, статен и точно готов к такому повороту событий. Пока Лиззи висела на его мощной шее, он одной рукой прижал ее к себе, а второй сделал приглашающий знак, и я присоединилась к объятиям.

За столом, когда волна радостного возбуждения от встречи схлынула, речь, конечно, зашла о моем, прости Источник, даре.

– Это очень... неожиданно, – начала ма, аккуратно подбирая слова. – Я абсолютно точно знаю, что в нашей семье нет магов – ни у меня, ни у Дженны даже искорки дара выявлено не было. Что до Эдварда, он, кажется, упоминал, что когда-то были у них в роду маги, но это было так давно, что только предания об этом сохранились. Но, милая, не переживай, даже если выяснится, что твой дар растет, мы выберем самую лучшую ... специальную школу для тебя, все бу-

дет хорошо, правда, дорогой?

– Давайте не будем торопить события, – рассудительно продолжил па. – Кто знает, может твой дар, Эмма еще сыграет нам на руку, а ну как окажется, что ты – маг жизни, способный ухаживать за растениями или насыщать еду полезными веществами, хорошее будет нам подспорье. – Надо отметить, мыслил па в том же ключе, что и его дочь. – Мы еще найдем время поговорить об этом.

Чуть позже, когда мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться и отдохнуть с дороги, я подошла к письменному столу, достала из его ящика плотный конверт с фотографическими карточками. И долго сидела в кресле, перебирая их. На карточках изображены были красивая молодая женщина с тяжелыми темными волосами, уложенными в прическу, статный худощавый брюнет, с нежностью держащий ее за руку и девочка, сидящая между ними. На обратной стороне карточек значилась надпись – «Эдвард и Дженна Дженкинс и их дочь Эмма».

– Я так по вам скучаю, – прошептала я.

Мои родители погибли, когда мне было восемь. Они возвращались из Лиденбурга, куда ездили по папиным делам, на цепелине. При посадке что-то пошло не так, и прогремел взрыв. Никто не спасся. Я в это время гостила у дяди Джима и тети Мэгги в Эрквуде. Мы с Лиззи, подключив местную детвору, как раз репетировали какую-то героическую пьесу, когда нам сообщили. Я помню свое удивление, когда рыда-

ющая тетя прижимала меня к себе и все повторяла «бедное дитя», помню жалостливые взгляды, которыми награждали меня все знакомые – и дети, взрослые. Помню похороны, поминки. Нигде я не проронила ни слезинки. Но каждый седьмой день недели (день, когда прилетает из столицы цепеллин) я выбегала из ворот и ждала, ждала до самого вечера, и никакая сила не могла заставить меня уйти. Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды я не поняла – они не придут. И тогда пришла боль..

О том периоде я не люблю вспоминать, только нежность и любовь тети и дяди да поддержка Лиз помогли мне справиться с моим горем. Никогда, ни на одно мгновение, несмотря на гибель родителей, я не чувствовала себя сиротой. И позже, когда время притупило боль утраты, сама стала называть родителей Лиз не дядей и тетей, а па и ма.

Вернув конверт с карточками на место, я только успела сменить дорожное платье на более легкое домашнее, как раздался стук в дверь, и на пороге появилась сестра.

– Пойдем вниз, мама к нашему приезду торт испекла, твой любимый, клубничный, по рецепту тети Дженны, – сказала она, взяв меня за руку, – а еще у нее розы расцвели, какой-то новый рионский сорт, магически обработанный, ужасно дорогой, пойдем, посмотрим.

Она легонько сжала мою руку, подбадривая .

– Целое лето впереди, как здорово! – и каблучки Лиз застучали по ступенькам. Я улыбнулась и пошла следом.

Вечером, когда мы пили чай в малой гостиной, па поинтересовался:

– Ну, девицы-красавицы, каковы ваши планы на лето? – в том, что они есть, он ни капли не сомневался, и правильно делал – сам же нас воспитывал.

– Ой, папа, сейчас расскажем, – начала, как обычно, Лиз, переглянувшись со мной. Эта тема нами была обговорена вдоль и поперек. – Мы будем тебе помогать.

– Вот как? – ухмыльнулся в усы па. – Зачем же вам это?

– А затем, – продолжила Лиз, – что мы решили, чем мы хотим заниматься после того, как окончим школу.

– Ну-ка, ну-ка.

– Мы хотим. – продолжила я, – мы хоти-и-им, – тянула время, лукаво улыбаясь. – открыть кондитерскую!

– Кондитерскую.. – задумчиво пожевал губами па. – Это, барышни, очень это хлопотное дело. Капитал, опять же, брать где-то надо.

И тут важно было показать серьезность наших намерений.

– Па, мы все продумали.

– Мы будем закупать у тебя муку, масло и прочие продукты. Изучим, где можно раздобыть остальное.

– Рецепты тортов и пирожных мы возьмем для начала из маминой кулинарной книги, она любила придумывать что-нибудь особенное.

– Мы будем работать у тебя и скопим некоторый капитал, если его не хватит, возьмет со счета нашего приданного.

– Тише-тише, ишь разгалделись, – засмеялся па, поднимая руки в защитном жесте. – Ну что ж, галчата, вижу, вы настроены решительно. Давайте сделаем так. Пока отдохнете, погуляете, воздухом подышите. А вот через недельку, если не передумаете, приставлю вас к мастеру Брейди в лавку. А дальше видно будет. Идет?

– Идет! Как здорово! Спасибо! – и мы, вскочив с мест, побежали обнимать па.

Поработать в лавке нам удалось: сначала мы отвешивали и собирали заказы, а потом и сами стояли за прилавком, встречая покупателей. И управляющий не мог нарадоваться Лиззи: она приветливо болтала с покупателями, нахваливала товар, но всегда аккуратно пересчитывала деньги. У меня выходило не так бойко, я быстро терялась, если покупатели были раздражительны, недовольны или грубы. Мне больше нравилось изучать отчеты, договоры и хозяйственные книги. Но почему-то именно тогда, когда за прилавком стояла я, к нам приходили крайне странные личности, желающие устроить скандал.

Особенно запомнилась одна озлобленная неряшливая женщина, стремящаяся получить назад деньги за якобы купленную пару дней назад в лавке голову «Бретонийского» сыра. В пылу спора она позволила себе обозвать меня «глупой курицей», чем разозлила ужасно. Вместо того, чтобы смутиться и принести извинения (как обычно я могла бы сделать), я почувствовала ярость. Это чувство, как ни странно,

хорошо прочистило мысли, и я смогла вспомнить, что совсем недавно пересматривала записи о закупках, и никакого «Бретонийского» сыра там не значилось. Об этом я и сообщила мошеннице. На этом месте ко мне подошел мастер Брейди, положил руку на плечо и сказал, что я могу пока отдохнуть. Сам же спокойно поговорил с женщиной, денег ей не дал, но угостил небольшим кусочком нашего нового сыра. Вот и пойми этих торговцев.

Через пару недель па сообщил, что берет несколько дней отпуска, и мы всей семьей выезжаем на воды в Саммервилль. Это была самая лучшая новость. Саммервилль с его изящными белоснежными беседками и павильонами, песчаным морским побережьем и бьющими минеральными источниками был просто мечтой для того, кто хотел безмятежного семейного отдыха.

И я успокоилась, доверилась этому лету, этой жизни. Так ярко я видела свое будущее — новый учебный год в школе мэтрисс Шульц, работу у па. Видела, как мы с Лиз учимся в колледже, а потом покупаем помещение для нашей кондитерской, как нанимаем работников, как расставляем в витринах пирожные, торты и булочки. И внутренне радовалась этой спокойной, понятной, размеренной жизни.. которой не суждено было сложиться.

За неделю до конца лета новое магобследование показало два целых и две десятых уровня.

Я сидела в своей комнате на кровати, обхватив руками колени, и чувствовала, как весь мой уютный, знакомый мир рассыпается на кусочки, словно ваза, которую уронили на пол.

«Дзынь, дзынь, дзынь», — в ушах стоял звон прыгающих по полу осколков, и я совсем не понимала, смогу ли собрать их воедино.

О школе мэтрисс Шульц придется забыть, отныне мне прямая дорога в Распределитель, и один Источник ведает, чем это для меня закончится. Лиз, моя дорогая сестра, подруга, самый близкий мне человек.. с ней мне тоже придется расстаться. Демоны побери этот дар, я никогда о нем не мечтала. Не помню, сколько я так сидела, пока не поймала себя на том, что сжимаю в ладони висящий на груди медальон, поглаживая его большим пальцем — так я делала с детских лет, когда хотела успокоиться. Этот медальон носила мама — простенький, серебряный, с небольшим красным камушком и не очень ровными завитушками. В то злосчастное путешествие она его не взяла. После их с папой гибели я надела его на себя и снимала лишь изредка. Так мне казалось, что мама ближе, что слушает меня и утешает.

Долго киснуть я не могла себе позволить. Знала, что внизу ма, па и Лиз переживают, хлопочут, пытаюсь устроить мою ситуацию лучшим образом из возможных. Слышала, как па звонил по лонгофону, с кем-то разговаривал. Как ма тревожно его расспрашивала. Поэтому я заставила себя встать

с кровати, умыть лицо холодной водой и спуститься вниз.

Меня встретили встревоженным молчанием.. Ма сразу распорядилась принести мне большую чашку травяного чая и теплую булочку с джемом.

– Ох, милая, как ты? – обняла она меня и повела к стоявшему в гостиной креслу.

Лиз сразу пристроилась рядом и молча сжала мою руку.

– У нас есть для тебя новости, — ма выжидающе посмотрела на мужа.

– Да, Эмма, я переговорил с мэтрисс Шульц и мистресс Глостер, — при этих словах Лиз непонимающе посмотрела на Па («с Грымзой», - шепнула я ей),— и они подтвердили нашу раннюю с ними договоренность. С осени ты будешь учиться в лучшем отделении Маграспределителя, в пригороде Лиденбурга. Я поеду туда с тобой, чтобы помочь тебе устроиться.

Лиденбург... Это же так далеко! Я была в столице пару раз и запомнилась она мне суматохой, величественными строениями и пронизывающим холодным ветром с Виенны. С другой стороны, не все ли мне равно, где расположена школа, раз рядом не будет никого знакомого?

Я равнодушно кивнула, соглашаясь.

– Мы обязательно приедем к тебе на каникулах, – поторопилась подбодрить меня сестра.

Я удивленно на нее посмотрела.

— Ну, па сказал, что первый год воспитанников Распре-

делителя не отпускают домой.

Наверное, сегодня уже был превышен тот предел плохих новостей, которые могли меня расстроить. Одной больше, одной меньше...

– Хорошо, – кивнула я, помолчав немного. – Когда нужно выезжать?

Ма растеряно переводила взгляд с меня на па и Лиз.

– Через три дня, малышка, – па подошел совсем близко, помог подняться, а затем, как в детстве, посадил меня к себе на колени, глядя по голове. — Доберемся на цеппелине до Лиденбурга, а оттуда на паровике и до Далвертона доедем. Когда бы еще выбрались попутешествовать? Поговорим по душам с директором, посмотримся, и, уверен, все окажется не так страшно, как тебе сейчас представляется. Вполне возможно, что это, наоборот, принесет ощутимую пользу. И я сейчас не только об исследовании твоего странного дара. Ты знаешь, как я ценю мнение мастера Брейди, вот кто умеет хорошо чувствовать людей. Разумеется, я беседовал с ним, чтобы узнать, как там дела у моих девочек.

Па хитро прищурился.

– Хотите узнать, что он о вас рассказал?

– Конечно! — Лиз сразу подобралась и затаилась, выдавая нетерпеливый интерес. Даже я, несмотря на уныние, не смогла противостоять любопытству и снова кивнула, теперь уже энергично.

Дядя Джим потрепал дочь по растрепавшимся белокурым

локонам.

– Он назвал вас «шкатулочками с сюрпризом». Знаете, были в свое время в ходу такие розыгрыши: дарить подарки, но так, что с первого взгляда и не поймешь, что же это такое. Протягивает, например, кавалер даме дешевую коробочку из тростника, бечевкой перевязанную,-- дама в слезы, коробочку с презрением отвергает, а развяжи она бечевку, увидела бы дорогое кольцо из бриллиантов. Ну вот, и вы таковы, по мнению Брейди — не то, чем кажетесь на первый взгляд.

На Элизабет посмотришь — как есть легкомысленная простушка, но присмотришься получше, а там очень прагматичный и основательный взгляд на жизнь, такую не проведешь, такая сама тебя в два счета переиграет.

Па рассмеялся.

– «Учебник хозяйственных операций в розовой обложке», — так он, кажется, говорил.

Тут уже и я не выдержала и хихикнула, до того потешно выглядело негодующее выражение лица сестренки.

– А вот про тебя, Эмма, он другое сказал: «Кинжал в холщовых ножнах». Внешне ты можешь казаться молчалива и робка, но внутри — боец. И я с ним согласен. Ты сильнее, чем ты думаешь, дочка.

От этих слов и голоса, которым это было сказано, подозрительно защипало глаза и я уткнулась носом в жилет па.

– И раз это так (а в этом я уверен), то стоит подумать: а место ли кинжалу в кондитерской лавке ? Или ему может

найти более подходящее применение?

Сегодня мне снится на удивление теплый сон: ночь, мы с друзьями сидим у костра на лесной полянке. Я в очередной раз думаю, как здорово, что нам удалось сюда выбраться. Мы жарим на палках ломти хлеба, печем яблоки и рассказываем друг другу жуткие истории. Сейчас очередь моего «мрачного» друга (так я его про себя называю) – он, конечно, как всегда, в черном, блики костра танцуют на его бледном лице. Он смотрит прямо перед собой и начинает говорить (слов я почти не слышу, как обычно бывает в таких снах, но мне кажется, что это воспоминания или легенды. От его рассказа всех нас пробирает тихий ужас. Ни звука, все притихли, словно зачарованные мыши из сказки.

И в самый ответственный и злоеущий момент краем глаза я вдруг замечаю, что к нам беззвучно приближаются белесые полупрозрачные фигуры. На их призрачных лицах такое злобное выражение, что кровь стынет в жилах. Я визжу и этим привлекаю внимание друзей. Тот час же в фигуры летят камни и пара водных спиралей, а я оказываюсь за спинами моих ребят. Они встают кругом, спина к спине, чтобы обороняться от кошмарных тварей.

И тут двое из юношей начинают издавать подозрительные звуки: хрюканье, фырканье, которые быстро переходят в гогот. Первый – горе-рассказчик, а второй – наш заводила, высокий темноволосый парень, именно он в прошлом сне заставил бежать противников. Одна и та же догадка при-

ходит нам в головы. Мы, не сговариваясь, поворачиваемся в сторону шутников и начинаем возмущаться. Я кричу, пытаюсь пихнуть одного из них в плечо, а он, хохоча, уворачивается, делает взмах рукой – и призрачные страшилы пропадают, словно их никогда и не было, успев напоследок показать нам не совсем приличные жесты.

Ах так? Мы бросаемся в его сторону. Он хочет убежать, но взявшаяся из ниоткуда кочка ставит ему подножку, и он падает, продолжая, впрочем, смеяться. Второго заговорщика меж тем настигает небольшая личная тучка, основательно подмочившая ему репутацию. Я же стою над поверженным паяцем, вздумавшим так потешаться над нами, и, продолжая трястись от пережитого страха пополам с негодованием, высказываю все, что я о нем думаю. «Эд, как ты мог... как свинтус... друг называется». Так первый из моих друзей обретает имя.

Глава 4

Оставшиеся дни до отъезда пролетели быстро, словно картинки в синемафотографе. Я нагрозила себя таким количеством дел, что тосковать и грустить просто не оставалось времени. Нужно было собрать вещи, написать прощальные письма бывшим одноклассникам, докупить разных мелочей и школьных принадлежностей, съездить к Хиггисам на день рождения Аннабель, помочь ма в оранжерее и па с бумагами. Словом, я готова была делать что угодно, лишь бы не останавливаться, не давать себе возможность окончательно расклеиться.

В назначенный день и час Харрис загрузил наш багаж в магикар, и мы попрощались с ма и Лиз. Сестра очень хотела проводить нас до цепеллина, но па не разрешил. «Ты нужна маме», - мягко, но непреклонно напомнил он. Я обещала писать так часто, как смогу, обняла их по очереди и залезла на заднее сидение. Мотор взревел, и я нашла в себе достаточно сил, чтобы улыбнуться и помахать моим родным на прощанье. Когда кованые ворота закрылись за магикаром, я без сил привалилась на плечо па и почти сразу же задремала. До Брэдфорда мы доехали без приключений. И когда я открыла глаза, Харрис уже искал место для остановки.

– Проснулась наша мистресс, - прогудел он, поглядывая в зеркала, – а мы уж будить вас хотели.

«Мистресс». Я вздрогнула от этого обращения. Да, надо привыкать, раз я теперь маг, то и обращаться ко мне будут именно так.

Строгое трехэтажное здание воздушного порта подсвечивалось магическими огнями. Пока Харрис менял наши билеты на посадочные талоны у специальной стойки, мы с па расположились в креслах зала ожидания и я смогла осмотреться. Больше всего меня поразило куполообразный потолок, украшенный яркими фресками, изображающими задумчивых созданий, закутанных в плащи (магов воздуха) и седобородых старцев, держащих в руках свитки с чертежами (эти представляли точные науки), совместными усилиями дарующих народу первый в истории цеппелин. Нам предстояло пройти все здание насквозь и выйти с другой стороны непосредственно к взлетным платформам.

– Волнуешься? – спросил па.

И я поначалу не совсем поняла вопрос. Настолько занимали меня резкие изменения в моей судьбе, так я настроилась на тему прощания с родным краем, что совсем забыла о своей нелюбви к цепеллинам, которая вряд ли могла удивить кого-то, кто знал обстоятельства гибели моих родных). Нет, я не боялась погибнуть: после того случая правила безопасности были ужесточены, и подобных трагедий больше не случилось. Но неприятные ассоциации, разумеется, были. Их не могло не быть.

– Немного, — кивнула. Да, немного волнуюсь и совершен-

но никуда не хочу.

Вернулся Харрис, и мы проществовали на посадку. Огромный темный силуэт цепеллина, удерживаемый у земли тросами и магией, маячил в воздухе перед освещенной яркими огнями площадкой, словно удивительный морской зверь левиафан, виденный мною в энциклопедии, в толще вод.

Когда наш багаж был отправлен в соответствующее отделение и прозвучало приглашение пассажирам подняться на платформу, я на прощание нырнула в объятия моего милого Харриса, и почувствовала, что вот-вот позорно расплачусь у всех на виду.

— Ну-ну,— ласково улыбаясь в усы, прогудел тот. — Лети с легким сердцем, стрекозка! Здесь тебя всегда будут ждать.

Мужчины пожали друг другу руки. Мы взошли на платформу и ухватились за поручни. Чуть позже, когда все зарегистрированные пассажиры оказались на местах, платформа медленно и плавно поднялась вверх к корзине цеппелина. Из нее выдвинулась лестница, по которой все пассажиры, включая нас, один за другим поднялись на борт. Маг-воздушник, стоящий на платформе и контролирующий процесс, отдал сигнал своему коллеге на борту, и лестница поднялась. Мы с па прошли в салон и удобно устроились в своих креслах напротив пожилой супружеской пары. Легкое покачивание да вид из небольшого круглого окошка не давали забыть о том, что мы не на земле.

Высоту наш цеппелин набрал плавно и довольно быстро (спасибо воздушникам, управляющим нашим небесным левиафаном). Я даже хотела порадоваться, что в этот раз почти не волновалась, пока не заметила, что сжимаю подлокотники кресла с такой силой, что они того и гляди останутся у меня в руках. Пришлось сделать медленный вдох и выдох.

– Все в порядке? – спросил па, мягко пожимая мою, все еще скрюченную от напряжения и, как оказалось, холодную руку своей уверенной и теплой. И я, наконец, смогла расслабиться.

– Да, спасибо па, – сказала с благодарностью.

Столица встретила нас холодной пасмурной погодой. Пронизывающий ветер пробирался в рукава накидки и раздувал юбку. Контраст с солнечным Брэдфордом оказался разительным.

Паровой вокзал располагался в центральной части города. Запас времени у нас был, поэтому мы могли себе позволить и неспешную поездку на извозчике, и небольшую экскурсию. Лиденбург и в этот раз произвел на меня не слишком приятное впечатление. Прямые узкие улицы, мощенные камнем, грязь, серость – почти все дома вокруг были именно этого цвета. И даже если глаз находил иные тона: розовые, голубые или желтые, то оттенок их был нечист, словно краску замешивали на той же грязной жиже, которая хлюпала по краям дороги. И небо.. низкое, унылое достойно дополняло этот пейзаж. Однако, чем дальше мы двигались к центру, тем

чище и шире становилась улица, тем больше магикаров стало попадаться навстречу, тем более пестрые одежды носили люди. Когда же мы переехали большой каменный мост через Виенну, разница стала еще отчетливее.

Улицы стали в два раза шире, по зеленым бульварам прогуливались солидные господа в дорогих костюмах и дамы, словно сошедшие с обложки журналов. Даже переулки (на которые приходилось иногда сворачивать из-за плотного движения магикаров) выглядели очень важно и торжественно.

А уж когда мы добрались до главной площади города, вся эта помпезная пышность и вовсе оглушила. Каскады фонтанов, цветочные клумбы в несколько ярусов, белизна мрамора скульптур, блеск позолоты, и— главное украшение площади — огромный лазоревый дворец, расположенный полукругом.

Мы проезжали мимо центрального парка, храмов, известных на всю страну музеев, деловых и торговых дворов (где было так оживленно, как на брэдфордской ярмарке в праздничный день), кружили вдоль притоков Виенны и по совсем новым районам города (не столь роскошных, но с гораздо большим количеством зелени), огибали парки и высотные здания университетов. И когда мне начало казаться, что я уже начинаю узнавать пейзажи вокруг, что мы проезжаем те или эти места не первый раз, перед нами, наконец, показалось здание парового вокзала.

Колеса мерно стучали, паровик плавно покачивался, я неотрывно смотрела, как пробегают мимо окна дома, деревья, большие строения (заводы, как уверял па), небольшие реки и холмы. Этот процесс так успокаивающе на меня действовал, и, одновременно с этим, так располагал к размышлениям, что в скором времени я решила продолжить несколько дней назад начатый разговор.

– Па, – тихо начала я, – твой вопрос «место ли клинку в кондитерской лавке?» Ты считаешь, мне не стоит этим заниматься?

– Милая, – па сразу же отложил газету, которую взялся было просматривать, – я просто считаю, что тебе надо узнать себя получше. Я совершенно не удивлен, что Лиз так вдохновлена этой идеей, но никогда не замечал, чтобы тебе нравилась хозяйственное дело или кулинария. Зато я знаю, как вы близки с сестрой.

– Думаешь, у меня не получится?

– Дело не в этом. Иногда полезно побыть в одиночестве чтобы понять, чего ты хочешь на самом деле. Но если твое желание останется с тобой, я первый поддержу тебя.

– Спасибо, па! – Я прижалась к плечу человека, заменившего мне отца. – Ммм, а вдруг я окажусь магом смерти, вот будет поворот!

– О !– воодушевился па – Это было бы совсем неплохо. В наших краях дела с утилизацией мусора плохо поставлены. Ты была бы нарасхват.

– Стать мусорной королевой Брэдфорда – вряд ли это и есть то, чего я хочу.

– Зато какой доход, дочка, какой доход, – рассмеялся па, так забавно поигрывая бровями, что удержаться от улыбки не было никакой возможности.

В Далвертоне народу вышло довольно много (если, конечно, не сравнивать со столичным круговоротом). Встречающее нас здание вокзала казалось невысокой скромницей-школьницей в форменном темно-сером наряде с белыми манжетами и отложным воротничком. Здесь тоже было много зданий из серого камня. Но и зелени было значительно больше, и улицы казались много чище, чем в столице. К тому же то тут, то там, попадались приятные глазу мелочи: деревья, стволы которых были укутаны разноцветными вязаными чехлами, клумбы, выложенные искусной мозаикой из матового стекла, небольшие уютные домики с резными ставнями и яркими черепичными крышами.

– Много мастеров хороших у нас тут живет, – рассказывал извозчик, пока вез нас в гостиницу, – и ученый народ имеется – институт здесь да университет, ну и школы хорошие тоже есть. Для магигов распределитель вот – лучший в стране. Только хлопот от них дюже много, хорошо, что перевели их в здание старой усадьбы, что на отшибе. Сразу спокойнее в городе стало.

Поток информации лился из уст нашего добровольного экскурсовода столь полноводно, что я рисковала в нем уто-

нуть. Мы неторопливо ехали по одной из старейших улиц города (насколько я могла об этом судить). Симпатичные двухэтажные домики – и совсем небольшие, и довольно просторные – так тесно прижимались один к другому, что даже щелочки между ними не просматривалось. Дух старого времени витал здесь в воздухе. И было легко представить, что мы перенеслись на двести лет назад.

– А вот и гостиница ваша, – махнул рукой извозчик на большой кирпичного цвета особняк с темной, почти черной отделкой и башенкой под треугольной крышей.

Наши апартаменты размещались на втором этаже. Три комнаты — гостиная и две спальни, совсем небольшие, но уютные с добротной мебелью темного дерева. Мы заказали сюда ужин, отдохнули с дороги. Затем па решил спуститься в общий зал, а я засела за письма Лиз и ма, чтобы па мог увести их с собой.

Из письма Эммы к Лиззи

(написанного на следующий день после прибытия в Далвертон)

Сегодня мы ездили в школу-распределитель (знаешь, как называют эти заведения сами воспитанники? – Школа – Распределитель Магов – ШРАМ. так и говорят – «снова в ШРАМ. ушел из ШРАМа». Забавно, правда)?

Вообрази большое поместье, кованый забор с затейливыми воротами. Не столь высокое (в три этажа), сколь

огромное главное здание, похожее на крепость: кирпично-красное, с белыми карнизами и безо всякой лепнины. Оно выстроено в форме огромной восьмерки, так что имеет два внутренних дворика. Здесь расположена дирекция и большое количество классов. Также вокруг имеется множество зданий поменьше (классы для младших учеников, общежития, столовые и павильоны). И плюс к этому — поля-полигоны (где учат стихийников), оранжереи для магов жизни и наверняка еще много такого, что я не успела рассмотреть.

Мы встретились с директором — мистром Хортоном. Это невысокий лысоватый мужчина лет пятидесяти, очень подвижный и с такими хитрым взглядом, что на ни за что бы не взял его в управляющие (он сам потом так сказал). Пока на беседовал с ним в кабинете, я пила чай в приемной и смотрела в окно. Заметила в одном из двориков детей лет десяти-двенадцати, и мальчиков, и девочек. В спортивной форме они бегали по кругу и лазили по полосе препятствий под руководством наставника. Пока он отвлекался на одних, мелкие проказники во всю хулиганили — кидались огоньками, брызгались водой. И чуть не спалили волосы одному из учеников. Для меня все это так необычно. Совсем не чувствую себя частью этого мира.

Чуть позже нам представили одного из старших преподавателей — мэтра Далтона (он похож на пожилого профессора, только без очков — с небольшой белой бородкой и аккуратной прической, очень вежливый). Мэтр любезно со-

гласился провести нам небольшую экскурсию по школе. И заодно назначить мне наставника (здесь так положено, как оказалось). Изнутри школа произвела на меня гнетущее впечатление: серый каменный пол, обшитые темным деревом стены, небольшие окна. Тот, кто строил это здание, был ужасно нелюдим. Мы зашли в не слишком приятный кабинет — что-то среднее между кабинетом врача и лабораторией. Мэтр Далтон поместил меня в специальную установку, чтобы увидеть мою ауру. Две целых четыре десятых... Сила растет. Ось все также не просматривается. Мэтр минут десять пытался разглядеть хоть какие-то признаки, но тщетно. Я начала нервничать, но он быстро меня успокоил. Сказал, что такое бывает, если оба полюса одной оси одинаково развиты (хотя точно таких случаев, как мой, он не видел). Поэтому предложил пока выбрать направление мне по вкусу, а там видно будет. Я вспомнила наши грандиозные планы и, не задумываясь, выбрала магию жизни. И —совпадение, скорее приятное, — сам мэтр берется меня курировать (он оказался магом-целителем).

После этого мэтр проводил нас до общежития. Мне придется жить там вместе с другой ученицей. Таков устав школы — с новенькими обязательно должен находиться кто-то более опытный, чтобы в случае чего «взять под контроль спонтанный выброс силы или позвать на помощь преподавателей». Вот после этой фразы я сразу почувствовала себя ходячей бомбой среди сотен других ходячих бомб.

Ощущение прескверное. Кастелянша общежития мистресс Грин — суровая дама средних лет, очень напомнила мне мэтрисс Шульц. Жить я буду на третьем этаже с некой Алисией Уилби, огневичкой, форму и ключи от комнаты мне выдадут при заселении. И я начинаю паниковать, когда думаю, что это будет уже завтра.

Скучаю. Твоя Эмма.

Остаток вечера мы провели с па. Играли в карты, смеялись, дурачились, вспоминали смешные семейные случаи. О том, что завтра я впервые останусь совсем одна, я старалась не думать.

Во сне я снова с друзьями. На сей раз их только двое — Эд и крепкий русоволосый парень, магземли. Мы у него в гостях. Пока взрослые беседуют в гостиной, а младшие кузены ищут нас по всему дому, мы пробрались в мастерскую нашего друга.

Мы сидим за большим рабочим столом, под лампой. Вокруг стеллажи с корзинками и комоды с выдвигающимися ящичками. Наш приятель роется в этих ящиках, потирает задумчиво рукой затылок — видимо, забыл, где хранятся нужные ему детали или инструменты. Тем временем Эд открывает первый попавшийся из них и присвистывает. Заглядываю туда и открываю рот от изумления: сверкающая россыпь огненных рубинов всех оттенков красного. Самый маленький из них — с ноготь моего мизинца. Наконец, все нужное найдено, и мы переходим к самому процессу. Наш

артефактор выкладывает на поверхность стола два круглых камешка, тоже красных, но несколько менее блестящих («гранаты», – доносится как сквозь толщу воды) и медную проволоку. Удивленно смотрю на то, как скоро крепкие пальцы сплетают из проволоки незатейливые браслеты, вплетая по камню в каждый. Эд меж тем сосредоточенно глядя на его работу, делает пальцами движения, словно вяжет невидимую сеть и накидывает ее на руки друга. Тот, продолжая плести, вдавливая пальцы в камень, будто вплавляет в них нечто незримое. Так вдвоем они и продолжают работать. Их пальцы подрагивают от напряжения, а на высоких лбах блестят бисеринки пота.

– Вот. держи. готово, – с усталой улыбкой протягивает мне браслеты мой самый надежный друг.

– Спасибо, Лай, Эд. – Благодарность моя не знает границ. Я обнимаю друзей крепче, чем могла бы обнимать братьев. Лай... Ну конечно, Лай.

И когда я проваливаюсь в другой сон, на моем лице еще блуждает улыбка.

Глава 5

Па подписал необходимые бумаги для заселения у мис-тресс Грин и помог донести вещи до моей (уже моей) комнаты, где, к счастью, никого не было. Сама же комнатка положительных эмоций не прибавила: вся обстановка ее — две узкие кровати, два небольших письменных стола с одинаковыми лампами, два узких шкафа да умывальник в углу — занимала почти все пространство. Небольшое окно посередине одной из стен, заключенное в рамку простеньких цветастых занавесок, света пропускало мало, и уже сейчас комната казалась темной. Я щелкнула рычажком выключателя — и под потолком вспыхнула люстра с тремя лампочками безо всяких плафонов, освещая не замеченные раньше детали: стопки тетрадей на одном из столов, развешенные по стенам вырезки из журналов, чисто выметенный, но щербатый деревянный пол, полосатые вязаные половички у кроватей.

– Ну что ж, — протянул па. – Жить можно. По крайней мере, твоя соседка чистоплотна, это большой плюс.

Он занес мои чемоданы и коробки в комнату.

– Пора, милая, проводи меня, заодно зайдешь к кастелянше за формой и дальнейшими инструкциями.

Мы спустились вниз. Я отметила, что сегодня здесь более оживленно, чем показалось мне вчера : то вверх, то вниз по ступенькам бегали ученицы и кидали на нас с па заинтере-

сованные взгляды.

– До свидания, дочка, — па обнял меня на прощание. — Долгие проводы — лишние слезы. Пиши нам, пиши сестре. Буду звонить вашему директору время от времени. Мы любим тебя и обязательно приедем на каникулы.

– Буду ждать. Люблю вас, — улыбнулась я па и помахала ему рукой, когда он обернулся, открывая дверь.

Ну вот и все.

Тяжесть в груди, которая не покидала сегодня весь день, собралась было комком в горле, но я вовремя вспомнила, что времени страдать нет: надо получить форму, разузнать все о том, когда здесь принято ужинать (и завтракать и обедать к тому же), разобрать свои вещи. С первого пункта я и решила начать.

Мистресс Грин ждала меня в своем кабинете.

– Так, Дженкинс. Ну-ка прикинем размер. ага. Вот ваша форма.

На стол легла стопка отутюженной одежды. «Серая», — вздохнула мысленно.

– .. вот форма для спортивных занятий.

И новая стопка, на сей раз бурая.

– Вот комплект постельного белья, — третья, кипенно-белого цвета. — Белье раз в неделю сдаете в стирку, получаете взамен новое. Форму и личные вещи стираете и чистите сами. Вот еще, получите, — на стол легла металлическая бляшка, — пропуск, предъявляете на входе- выходе из школы и в

общежитие. Артефакт!

Последнее слово кастелянша произнесла горделиво, подталкивая бляшку в мою сторону.

– О! - я протянула к ней руку, и в нее тут же ударил маленький, но колкий разряд. - Ой!

– Запечатлелся, — довольно кивнула эта коварная женщина. – Теперь никто, кроме тебя по нему пройти не сможет. Что еще? – и она со скучающим видом начала перечислять: «Приходить в общежитие не позже десяти вечера. Не шуметь, кавалеров не водить. Вопросы есть какие-нибудь?»

– Да. Когда тут принято ужинать? Где можно посмотреть расписание? И можно ли выходить из школы в город?

– Ужин в семь, столовая в отдельном корпусе, выйдешь отсюда и налево второе здание. Выходить новичкам можно только в сопровождении старших учеников. А расписание.. Наставника знаешь своего?

– Мэтр Далтон.

– Тогда расписание найдешь в холле главного корпуса на стенде виталистов.

Именно так здесь называли магов жизни. Поблагодарив мистресс Грин, я сложила все выданные стопки одежды и белья в одну и побрела наверх. Странные это были ощущения: носить свой ключ от комнаты, одеваться и выходить на улицу, чтобы поесть, и не иметь никого близкого и даже просто знакомого вокруг. «Демонова кочерыжка», как сказала бы Лиззи.

Столовая оказалась совершенно не похожей на обеденный зал в заведении мэтрисс Шульц – куда больше и совсем не так уютна. Отстояв длинную очередь, я немного воспрянула духом: худшие мои опасения не оправдались. Еда выглядела неплохо, и даже выбор имелся (хотя и был не очень велик: котлеты или рыба на горячее, рис или пюре из картофеля на гарнир, чай или компот в качестве напитка). Я взяла свой поднос с ужином и окинула взглядом зал — народу было много, но несколько свободных столиков еще оставалось. Вот к одному из них я и решила направиться. Так и сидела в одиночестве, наблюдая за окружающими. Но не успела осилить и трети порции, как на мой стол опустился еще один поднос.

– Привет! Ты наверное, тоже новенькая? Сидишь одна, ни с кем не общаешься. Не против, если я присоединюсь?

И, не дожидаясь моего кивка, на соседнее место вспорхнула девушка. Миловидная, отметила я мельком, светловолосая, похожая на фарфоровую куколку, которая сидела у нас в каминном зале. Даже маленький ротик так же чуть приоткрыт, словно в изумлении.

– Да, я только приехала.

– И как тебе здесь? – куколка неопределенно повела руками.

– Пока не поняла, – ответила честно.

– Зато я прекрасно поняла. Это же кошмар какой-то! И школа, и комнаты, и еда..

Девушка брезгливо посмотрела в свою тарелку.

– ..и вообще. Раньше я училась в хорошей школе в Лиденбурге, а тут, – она понизила голос до шепота, – всякий сброд, ни манер, ни представлений о приличиях.. Кстати, я Ханна, давай дружить.

Мне под нос подсунули маленькую крепкую ладошку с короткими, но тонкими пальчиками, которую я слегка пожала.

– Эмма. Очень приятно.

– Ой, я так рада, что тебя встретила. Ты хоть выглядишь нормально. Не как эти, – она быстро оглянулась по сторонам.

– Сразу видно, что из приличной семьи.

– Какой у тебя дар? – спросила я, чтобы сменить тему.

– Жизни, – ответила Ханна, с таким выражением, словно это единственный приличный вариант из всех имеющихся, – третий с половиной уровень. А у тебя?

– Тоже.. наверное.

– Как это? – захлопала глазами моя новая знакомая. Но тут же переключилась на новую мысль. – Ой, так это мы с тобой учиться будем? Кто твой наставник?

– Мэтр Далтон.

– И у меня. Как я рада нашему знакомству!

К сожалению, не могла ответить ей взаимностью.

Покончив с ужином, мы вместе вернулись в общежитие. А там оказалось, что моя новая знакомая не хочет идти к себе, а полна решимости помочь разобрать мои вещи. Достойного повода отказаться от ее помощи я придумать не смогла,

и еще некоторое время мы провели вместе. Я имела счастье выслушать демонову уйму причитаний об убогости фасона и материала нашей формы, а также охи и ахи по поводу некоторых моих вещей («ах, прелесть какой халатик, где ты его купила, мне срочно нужен такой же»). Так что когда Ханна все-таки ушла к себе, я почувствовала невероятное облегчение. Наконец-то я осталась одна! Я тут же ухмыльнулась – надо же, а несколько часов назад я чуть не расплакалась по той же самой причине. Вот уж, действительно, все познается в сравнении.

Остаток вечера прошел вполне спокойно, хотя и очень непривычно. Соседка моя так и не появилась. Я закончила разбирать вещи, приняла душ, а по дороге познакомилась еще с двумя девушками, живущими на моем этаже. Знакомство, правда, вышло из разряда «привет-привет, я Эмма – я Милли», но лиха беда начало. Потом я немного почитала и легла спать, думая о том, что сейчас делают мои родные.

Кажется, тревоги минувшего дня дали о себе знать, потому что завтрак я проспала. И возможно, спала бы и до обеда, если бы в моей жизни не случилась Алисия.

Сквозь мутную пелену дремы я услышала, как в замочной скважине повернулся ключ, а затем дверь распахнулась, и в комнату вошла девушка. Довольно высокая, худая, но с широким костяком, в ней чувствовалась сила. Волны стриженных светло-рыжих волос едва закрывали уши. Черты лица резкие, угловатые, а чуть прищуренные ореховые глаза та-

или в себе насмешку. Девушка опустила чемодан, скинула туфли и накидку и звонко произнесла:

– О! Новая соседка! Ну, привет.

– Привет, – я сидела на кровати и смотрела на нее столь же ясным взором, каким смотрит на дневного посетителя зоопарка маленький соенок. Взгляд упирался то в яркие волосы, то в не менее яркое желтое платье с заниженной талией «революционной» длины — чуть ниже колена. – Ты, наверное, Алисия.

– Наверное, — усмехнулась девушка, — а ты, значит...

– Эмма, Эмма Дженкинс, — для чего-то решила уточнить я, словно тут разные новенькие Эммы стайками бродили.

– Ну и горазда ты спать, Эмма Дженкинс. Вставай, а то обед проспичь!

Алисия забралась на свою кровать с ногами и неприкрыто рассматривала меня.

– Богатенькая, — произнесла она, наконец.— И откуда ты?

– Из окрестностей Брэдфорда. И ты права, у моих опекунов хорошее производство. Денег нам вполне хватает.

– Опекунов? А родители?

– Погибли. Давно уже.

Мы немного помолчали.

– Ну а мы люди простые, можно сказать, с улицы, – в насмешливом голосе соседки слышался вызов. Светло-карие глаза смотрели с интересом. Что, мол, на это скажешь?

– Рада с тобой познакомиться, Алисия, — сказала я от души.

И мои родители, и ма с па учили меня тому, что происхождение — не главное, важно, чтобы человек был хороший. А воротить нос от тех, кому не так повезло, как тебе — последнее дело.

Девушка посидела еще немного, потом подошла к окну и приоткрыла одну из створок.

– Не против? – снова не без ехидства спросила она меня. Я покачала головой.

– Дар какой у тебя?

– Никто пока не в курсе, – почему-то ей захотелось рассказать все как есть. – Два с половиной уровня, а ни полюс, ни даже ось определить не выходит.

– Да ну? – Вот теперь в голосе Алисии Уилби прорезался настоящий интерес. – И куда тебя определили?

– К магам жизни. Наставник — мэтр Далтон.

Девушка задумчиво хмыкнула и повернулась ко мне.

– Если уж Далтон не вытащит из тебя зачатки дара, то можешь быть уверена, что точно не виталист. Дотошней его я жизни никого не видела. Ладно, соня, пошли, отведу тебя в столовую. А то еще уснешь по дороге.

И мы пошли на обед. По дороге пришлось то и дело останавливаться. Алисия приветствовала знакомых, с некоторыми шушукалась о чем-то, с некоторыми спорила, а с одной девушкой обменялась такими солеными шуточками, что мне

стало неловко. У самой столовой мы столкнулись с группой парней. Один из них – с длинной светлой челкой, падающей на глаза – противно ухмыльнулся и крикнул в нашу сторону:

– Смотрите, огневушка-поскакушка завела себе новую подружку.

– Отвали, Стен и не позорься, пора бы уже вылезти из песочницы, — презрительно бросила Алисия и слегка подтолкнула меня в спину, пошли, мол.

– Тебя тут все знают, — не смогла не отметить, когда мы поднимались по лестнице.

– О, да, этого добра мне хватает. Т-а-ак, чем нас сегодня покормят? –и мы пристроились в конец куда более длинной, чем вчера, очереди.

Сегодня я ела за большим столом в окружение друзей Алисии. Сквернословили некоторые из них ужасно, но ко мне отнеслись дружелюбно. Расспрашивали, давали советы, рассказывали разные забавные случаи и смеялись, когда я рассказывала о наших с Лиз проказах в школе мэтрисс Шульц. Ханну я тоже заметила: она шла с подносом, думая, куда бы примоститься. Когда я махнула ей рукой, приглашая к нам, она с негодованием посмотрела на меня и прошла мимо.

После обеда наши с Алисией пути ненадолго разошлись. У нее имелись свои дела, а мне нужно было посмотреть расписание.

В главном корпусе народу оказалось немногим меньше,

чем в столовой. Потолкавшись минут десять, я нашла, наконец, свое расписание и аккуратно переписывала его в тетрадь, когда меня вдруг очень невежливо схватили за локоть.

– Виталисточка, значит.. ничё такая, – передо мной стоял тот самый белобрысый Стен. – Передай своей рыжей подруге, если будет выпендриваться, я ей это припомню...

Дослушивать эту проникновенную речь не стала. Молча отдернула руку и поспешила уйти. Было очень неприятно.

Прогулки ради я обошла почти всю территорию школы (за исключение полигонов) и только затем вернулась в общежитие. Завтра должны были начаться занятия, а сделать еще предстояло много. Например, привести в порядок форму. Даже в то небольшое зеркало, которое висело над умывальником, было понятно, что оно висит на мне, как на вешалке. Я крутилась и так, и сяк, пытаюсь понять, как исправить такое удручающее положение. Наконец, приняла решение немного ушить платье в талии. Сказано – сделано. Небольшой дорожный набор для шитья был у меня с собой, и я незамедлительно взялась за работу. Когда я уже заканчивала, в комнату вошла Алисия.

– Ух ты, богатенькие девочки сами подшивают себе платья? – беззлобно осведомилась она.

– Они еще не на то способны, – решила отшутиться я, перерезая нитку. – Сейчас посмотрим, что в итоге вышло.

Примерка показала, что вышло чуть лучше, но до стандартов лиденбургской моды этому платью было так же да-

леко, как от меня до Брэдфорда пешком.

– Да, это явно не твой цвет, – прокомментировала Алисия. – Хотя я вообще не встречала еще тех, кому бы он был к лицу. Но если сделать защипы вот тут и вот тут, то сидеть будет неплохо.

Я и заметить не успела, как девушка выхватила пару булавок из набора и ловко подколола платье в нужных местах. Мне осталось только аккуратно снять платье и подшить.

– И правда, так гораздо лучше, – вертелась я перед зеркалом полчаса спустя. – Спасибо тебе. С меня что-нибудь вкусненькое. Ну, когда смогу в город выбраться.

– Замётано! – Алисия завалилась на свою кровать и принялась листать журнал. Я тем временем собирала сумку на завтра: складывала тетради, автоперья, карандаши и прочие необходимые вещи. Затем села писать письма для ма и Лиз. Когда закончила, оказалось, что подошло время ужина, и мы снова пошли в столовую.

Вставать завтра предстояло рано, занятия начинались в восемь утра. Я немного переживала, что не услышу будильник, но Алисия меня успокоила.

– Ничего, с завтрашнего дня врубят звуковое оповещение по школе, подскочишь в семь как миленькая.

Успокоенная этим объяснением, я легла спать.

Мой сон тревожен. Я сижу на берегу реки. То зачерпываю ладонью воду, то заморозженно вглядываюсь в толщу воды, желая испытать то же чувство покоя, что и камни, лежа-

щие на дне. Эти мысли пугают меня, но кажутся такими манящими.

Я забываю о них в тот же миг, когда мой друг, светловолосый водник, садится рядом. Всегда подтянутый, аккуратный, отмеченный той обманчиво изнеженной красотой, которая предполагает вальяжность и утонченность, сейчас он не похож на себя. Лыняные кудри в беспорядке, глаза уже сухие, но предательски красные, а пальцы сжаты в кулаки в бессильной злобе. Мне не нужно спрашивать о причине его плачевного состояния. Она всегда одна. Его мать неизлечимо больна, даже лучшие целители не дают надежды. А отец, сильнейший маг воды, тяготится таким положением и уже подыскивает себе новую жену. Снова слова друга доносятся до меня урывками. «...ов урод. Как можно... о своих планах... прямо при ней. Ненавижу!» .

Мне тоже тяжело. Я знаю, что родные предлагали его отцу меня в качестве невесты, и в который раз готова благодарить Источник за то, что не наградил меня даром.

Я беру друга за руку. Наши отражения в воде похожи на двух неприкаянных странников.

– Рид! Мы же никогда, никогда не станем такими, как они?

– Лучшие уж сдохнуть.

Глава 6

– Подъем, доброе утро, пора вставать! – ввинчивался в уши магически усиленный сигнал оповещения.

Я подскочила на кровати как ошпаренная и душераздерающе бодрую мелодию, которая последовала за оповещением, слушала уже сидя, свесив одну ногу с кровати. Соседка моя, судя по всему, проснулась раньше и покатывалась со смеху, наблюдая за мной.

– Видела бы ты сейчас свои глаза. Размером с крону каждый! – восклицала эта юмористка. – Кстати, кто такой Рид?

– Друг, — ляпнула, не подумав.

– Друг или др-у-у-уг? — последнее слово она пропела, жеманно похлопав глазками.

– Друг, просто друг, кошмар приснился, — пояснила я, приходя в себя.

После завтрака в компании приятелей Алисии пришло время идти на первое занятие. Проходило оно, по счастью, в главном здании школы, на втором этаже, и времени добраться до нужного класса у меня было предостаточно.

Когда я вошла в класс, там уже сидело несколько учеников. В том числе Ханна. Я пожелала присутствующим доброго утра. И почти все ответили мне тем же. Только Ханна сделала вид, что не видит меня и не слышит. Минут через

десять класс почти заполнился, и я с любопытством разглядывала тех, с кем мне предстоит учиться. В основном это были девушки (молодых людей я насчитала всего четырех). Общительные и робкие, уверенные и чувствующие себя не в своей тарелке, спокойные и те, кто явно нервничал. Мой сосед справа — тихий полноватый юноша в очках — что-то писал в тетради, а соседка слева — невысокая девушка с двумя смешными торчащими косичками — так и вертелась на месте от предвкушения.

Когда в класс степенно вошел мэтр Далтон, все взгляды устремились к нему, и в классе настала полная тишина. У меня были опасения, что сейчас нас ждет целый урок скучных общих сведений, но наш наставник приятно удивил. Он очень кратко рассказал нам о том, как будут проходить занятия: у нас будут и общие предметы (от истории, алгебры и рионского языка никуда не деться), и уроки магии. Некоторые занятия будут объединенными — сразу для нескольких групп. Практические же занятия и те, что касаются нашей специализации, будут проходить в таком составе, как сейчас. Чуть позже нам назначат часы индивидуальных занятий с мэтром.

А дальше преподаватель перешел к материалу нашего курса «Основы виталистики» и рассказал много такого, о чем я и не задумывалась раньше.

Вот например : несмотря на то, что виталистам свойственно более внимательное отношение к живым объектам, это

никак не сказывается на их человеческих качествах. В истории известны случаи, когда маги жизни оказывались чудовищными злодеями. Они истязали своих жертв и использовали свою магию, чтобы продлить их мучения.

– А теперь давайте перейдем к первому вашему практическому заданию. На своих столах вы видите замученные морталистами побеги зимней фасоли. Мы не проходили с вами никаких формул или заклинаний, но наша с вами сила такова, что даже используя ее в «сыром» виде, мы можем помочь этому растению. Итак, попробуйте мысленно сфокусировать вашу силу в ладонях и направить ее на растение, вот так.

Мэтр сложил ладони домиком над своим образцом, и на наших глазах произошло маленькое чудо: тщедушный росток налился соком, расправил листики и даже немного подрос.

– Итак, прошу. Мистресс Дженкинс, – неожиданно обратился он ко мне, – ваша задача – делать то же самое, что и все, даже если не будет никакого эффекта, прислушивайтесь к вашим ощущениям, пытайтесь почувствовать отклик.

После этих слов почти все с удивлением уставились на меня. Еле подавив в себе желание кривенько улыбнуться в ответ, я кивнула наставнику, мол, все понятно.

– Привыкай, Эмма, – пришлось сказать себе, – кто знает, на сколько еще затянется выяснение твоего дара, может, весь год придется чувствовать себя белой вороной на каждом отделении.

Пока я размышляла, мои одноклассники активно взялись за работу. И кто-то уже получил первые результаты. Тихая девочка в очках удивила всех – ее росток позеленел, подрос и выпустил пару новых листочков. Мой сосед настойчиво повторял упражнение, и его растение очень медленно, но все же приходило в себя. Даже Ханна преуспела: ее «задохлик» пусть не позеленел, но заметно распрявился. И только я, сколько не пытала, не представляла, как собирается вся моя энергия в ладонях, не смогла сделать ровным счетом ничего.

Следующим по расписанию значился урок истории магии. Проходил он на первом этаже в большом классе размером с целый зал. И представлял собой то самое «объединенное» занятие. Помимо нас присутствовало еще две группы – также магов жизни и, неожиданно, морталистов.

Проходя мимо ряда ближайших к двери парт, я нечаянно смахнула с одной из них карандаш.

– Извини, — быстро сказала я, и, подняв беглеца, вернула его владелице. Ею оказалась моя одноклассница, та самая, с косичками.

– Ничего страшного, – дружелюбно отозвалась девушка, — Я Элси, мы с тобой в одном классе у мэтра Далтона. А это — она повернулась к девушке, сидящей позади нее — Шейла, морталист.

– Эмма – представилась я и с удивлением посмотрела на Шейлу. Невысокая со светло-русыми кудряшками и пухлы-

ми розовыми щечками, меньше всего она была похожа на мага смерти.

– Историю магии у нас преподает мэтр Корнби, – наморщила лоб Шейла. — Стенли говорил, он строгий, но рассказывает интересно.

– Стенли? – меня посетило нехорошее предчувствие.

– Мой брат, — пояснила новая знакомая, – он тоже маг смерти, но учится здесь уже третий год и все знает.

– Это не такой светловолосый? – изобразила я рукой падающую на глаза челку.

– Да-да. Так вы знакомы? – насторожилась моя собеседница.

– Пришлось, но, не могу сказать, что рада этому.

– О! – стушевалась Шейла. – Он иногда бывает таким грубияном.

– В любом случае, ты совершенно не обязана за него оправдываться, – я дружески улыбнулась кудряшке.

В класс вошел тщедушный неопрятный мужчина средних лет. Его короткие черные волосы были не очень чисты и, к тому же, взъерошены. Он спокойно прошествовал к преподавательскому столу. И я поспешила к своей парте.

– Начинаем, – неожиданно зычным голосом провозгласил преподаватель, сделал хитрый жест рукой – и в воздухе перед нами засияла известная всем схема осей и направлений магии. По партам побежала волна перешептываний: «иллюзия», «маг иллюзий». Да уж, воочию настоящего мага иллю-

зий не так часто увидишь.

Сама схема представляла собой привычные восемь лучей, выходящие из одного центра и образующие четыре магические оси: «земля-воздух», «вода-огонь», «жизнь-смерть» и «разум-чувства». У мага может быть активна только одна из осей. Без исключений. Но вот в пределах одной оси нередко случаи смещения дара. Например, маг воды мог развить у себя небольшой уровень магии огня, маг жизни мог также иметь небольшой уровень магии смерти. Но ведущим всегда был только один дар. Чем ярче проявлялся дополнительный дар, тем меньше становился общий уровень.

Чаще всего на это шли маги жизни (небольшой уровень магии смерти позволял им лучше проводить обезболивание), маги земли (дополнительная магия воздуха позволяла лучше связывать заклинания с артефактами). А вот менталисты и эмпаты предпочитали не активировать вторую часть своей оси. Это могло стоить им душевного здоровья.

Мэтр Корнби рассказал и то, как была открыта возможность активации второго полюса.

Один древний маг-менталист совершил преступление и был приговорен к выжиганию дара. После этой страшной процедуры он считался неопасным и коротал свои дни в темнице. Постепенно бывший маг открыл, что может понемногу развивать дар эмпата. Разумеется, по сравнению с прежним, выжженным, даром это были крохи, но много лучше, чем ничего. И, главное, этого хватило, чтобы разжалобить тюрем-

щиков так, что они своими руками выпустили преступника на свободу.

Рассказ сопровождался такими забавными иллюзиями-картинками, что мы все слушали урок открыв рты, словно малыши волшебную сказку. А у меня, вдобавок ко всему возник один вопрос, и так как он не давал мне покоя, я подняла руку.

– Слушаю вас, мистресс.. — тут же обратился ко мне преподаватель.

– Дженкинс, мэтр. Скажите пожалуйста, бывает ли так, что у мага оба полюса одной оси развиты одинаково?

– Да, это редко, но случается со слабыми магами. В таком случае заметить дар бывает непросто. Зато обладатель подобных осей имеет уникальную возможность — он может сам делать выбор и развивать тот дар оси, который захочет. Правда, общий уровень дара у таких магов всегда невысок.

Меня полностью удовлетворил его ответ. Во-первых, он означал, что дар мой со временем выявится, и я даже смогу сделать выбор. И, во-вторых, раз уровень моего дара будет небольшим, Магконтроль я вряд ли заинтересую и на службу меня не отправят.

По расписанию нам оставалось еще три урока. Два из них обычные – геометрия и алгебра – прошли все в том же классе и в том же составе. А вот для последнего урока нам пришлось переместиться в большой зал. Дисциплина называлась «Правовые аспекты магии», и слушать ее мы должны

были полным курсом. Народу в зале было много, а шум стоял такой, что я почти не слышала, о чем говорит сидящая рядом со мной Элси.

– Сразу видно, что здесь стихийники, – бодро заметила Шейла. – Вот уж кого прямо распирает от энергии. А вон – видите? – по углам расселись и молчат – это скорее всего менталисты, самые буки.

В памяти сразу всплыли насмешливые голубые глаза, но я сразу же отогнала эти воспоминания. Всем известно, что исключения только подтверждают правила.

– Мэтрисс Фрейзер – демон в юбке, – продолжала Шейла. – Лучше ей не перечить, раздавит и не заметит.

После таких рекомендаций я то и дело оглядывалась на дверь. И мэтрисс Фрейзер не подвела: в класс вошла решительным шагом и громко постучала по доске, привлекая всеобщее внимание.

Выглядела она впечатляюще: высокая, с пышными формами, с широкими плечами и большими руками, одетая в ярко-красное платье. Ее огненно-рыжие волосы были уложены в высокую прическу. Всем своим видом она выражала энергичность и боевой настрой. С задних рядов раздался восхищенный присвист.

– Свистеть будешь милке на рынке, — хрипловатым резким голосом сказала мэтрисс, сложив руки на груди. – Значит так, детки. Вы, наверное, думаете, что вытащили счастливый билет и теперь всеильные маги, которым можно все?

Так вот, это не так. Билет-то вытащили, теперь ваша основная задача не спустить его к демонам в трубу. Поэтому наше первое занятие будет не про основные понятия и прочее, а про то, что бывает с теми мальчиками и девочками, которые возомнили себя всемогущими магами.

– Ишь, фря какая, — раздался шепот с предпоследнего ряда.

Все замерли.

Мэтрисс Фрейзер неспешно подошла к произнесшему эту фразу парню. Остановилась и, щелкнув пальцами, сотворила яркий пульсирующий огонек, похожий на толстого жужжащего шмеля. «Шмель» мигом подлетел к парню и впился в вихор его каштановых волос, оставляя от него лишь пепел.

– Ай! — вскричал парень от испуга.

– А теперь пошел вон из класса, — все так же спокойно произнесла эта страшная женщина. – Я разрешу тебе вернуться, когда ты принесешь мне правовое обоснование того, почему я могу себе позволить подобные действия, а ты нет. С указанием источников.

– Если вы еще не поняли, вы не в обычной школе, — продолжала она, обращаясь уже ко всем, пока жертва собственного языка шагала к выходу. – Будьте любезны держать при себе свои слова и эмоции. Иначе... Вариант первый – выжигание дара..

Дальше последовали другие варианты наказаний, вплоть до штрафов, выговоров и принудительных работ на пользу

государства. Отдельным разделом шел устав нашей школы, в котором за любое воздействие магией на человека, не одобренное куратором, ученик мог быть серьезно наказан вплоть до отчисления из школы (а это автоматически означало как минимум – запечатывание на время, а как максимум – все то же выжигание). К концу урока я в очередной (наверное, в сотый уже) раз пожалела, что у меня прорезался хоть какой-то дар.

Урок мэтрисс Фрейзер произвел на меня такое оглушительное впечатление, что я бы забыла после уроков зайти за учебниками, если бы мне не напомнила об этом Элси. С ней вместе мы и пошли в кабинет наставника.

В подсобном помещении кабинета на нескольких сдвинутых столах высились башни из учебников. Мы с Элси недоуменно переглянулись, — унести все это за один раз вряд ли было возможно. А с учетом того, что помимо книг, нести предстояло еще и по горшку с землей, «вряд ли возможно» стремительно приближалось к «и думать забудь».

Пришлось смириться с тем, что придется делать до общезнания несколько рейсов. И пока мы ходили туда-сюда с сумками, набитыми книгами, и горшками в руках, успели разговориться и даже сблизиться.

– Хорошо воздушникам, — мрачно пыхтела одноклассница. – Наколдовали себе воздушную подушку — и все за один раз унесли.

– Ага, или водникам: взяли санки, заморозили дорожку к

общезнанию — и нет проблем.

– Или эмпатам: очаровали первого попавшегося парня — и он сам все тебе донес.

– О! — протянула я, — представляю, как разъярится Ханна. Не королевское это дело — учебники с горшками таскать.

– Ммм... Мне показалось, или вы не очень-то ладите?

– Ну, в ее представлении я должна организовать благородное общество и воротить ото всех остальных нос.

– Тогда ее ждет неприятный сюрприз, — усмехнулась Элли. – Происхождение здесь мало кого волнует. А вот то, насколько ты хорош в магии — очень даже.

Алисию я увидела только к вечеру. Соседка вошла в комнату, с порога осведомилась:

– Ну как первый учебный день, живая? – и бросила на кровать свою сумку.

– Кажется, – и я в общих чертах рассказала ей о своих впечатлениях. В особенности о мэтрисс Фрейзер.

– Да! – отозвалась Алисия – это крутая тетка. Моя наставница, кстати.

Кажется, в моих глазах хорошо читалось сочувствие, потому что огневичка рассмеялась.

– Она мне здорово вправила мозги пару лет назад. Я та еще оторва была. Знаешь, чем славны молоденькие огневички?

– Сильными эмоциями?

– Хм, можно и так сказать. Огонь свербит внутри, жжется.

Парни дерутся частенько, а девчонки... вешаются на парней.

Я удивленно подняла брови.

– Не знала? Демона мне под хвост, остались же еще неиспорченные люди, – криво ухмыльнулась Алисия, – Ну вот.. парни, выпивка, все дела... Учебу я почти забросила. Все могло закончиться печально, если бы в один прекрасный момент Фрейзер не взяла меня за грудки и не сказала прямым текстом, что если я не хочу закончить жизнь в веселом доме, пора завязывать со всем этим дерьмом. И не показала бы небольшую стопку карточек – на них имена девчонок, которых Фрейзер не смогла вытащить с улицы. Кого зарезали, кто в тюрьме, кто пропил последние мозги, а кто стал жертвой клиента-живодера. Она всех помнит, и до сих пор это ее личная демонова Бездна.

Алисия задумалась было на мгновение, а потом подмигнула.

– Так что бойтесь ее конечно, но не слишком сильно. Больше чем надо, она не орет. Ладно, невинное дитя, – тут же сменила тему огневичка, – идешь на ужин? Просто умираю с голоду.

К этим мыслям я вернулась, когда ложилась в постель. В голове проносились события этого дня. Будет о чем написать потом Лиз.

Сегодня мы снова у Лая в мастерской. Мы — это я, сам

Лай и наш черноволосый мрачный морталист. Ребята уже который час за работой — мастерят артефакт за артефактом — маг смерти связывает заклинания, а маг земли накрепко запечатывает их в браслеты из агатов. Я стараюсь помочь, чем только могу: подать нужный инструмент, поднести воды, промокнуть полотенцем пот, попадающий в глаза. Все мы который день спим урывками и измотаны напряженной работой.

Дверь резко открывается, и входит Рид. По сравнению с ним мы втроем можем сойти за румяных и отдохнувших. Бледное лицо, темные тени под глазами, заострившиеся черты лица. Кажется, он держится на ногах на одном упряместве.

— Нужно еще. Боли снова усиливаются.

Наш мрачный друг сгребает в охапку готовые артефакты и подходит к вошедшему.

— Вот, держи. Отнеси все сразу, и, пожалуйста, Рид, иди спать. Мы все должны быть в форме, иначе, — он растирает пальцами переносицу, — вряд ли что-то выйдем.

— Где Эд?

— Готовит иллюзии, чтобы нас не спалили как младших школьников.

— Спасибо, Тери, — Рид тяжело хлопает бронею по спине. Я в долгу перед всеми вами.

С этими словами водник спешит обратно к своей матери. Тери возвращается за стол и устало проводит ладонью

по лицу.

— Я мог бы освободить ее от жизни хоть сейчас, — говорит он глядя перед собой, — и это было бы самым милосердным, что можно придумать. Но демоново время... Нам всем нужно время.

Он прав, мы все знаем об этом. Оставшееся время жизни матери Рида — это все, что есть у нас, чтобы приготовить себе хоть какое-то подобие защиты. И, как ни противно признавать, по большей части из-за меня. Именно мне предстоит в скором времени стать мачехой нашего водника. А значит, как только душа матери Рида отправится к Источнику, мою жизнь можно считать законченной. Дальше пары лет она не продлится. И мы все слишком хорошо понимаем, чем обусловлен этот выбор, и какие планы вынашивает один из самых сильных магов королевства. Именно поэтому Лай и Тери как ненормальные мастерят обезболивающие артефакты, а Эд готовит нам прикрытие. И остается только надеяться, что у нас все получится, иначе... Нет-нет, не думать об этом.

Я просыпаюсь среди ночи и какое-то время лежу, уставясь в темноту. Откуда это странная смесь отчаяния, решимости и вины?

Тери. Я повторяю про себя это имя, оно вызывает в душе спокойствие и печаль.

Глава 7

Новые предметы мне неожиданно понравились. Это было что-то свежее, необычное, и, главное, не было вопросов, зачем нам та или иная дисциплина, и что мы с ней должны делать. С одноклассниками мы если не сдружились, то хотя бы начали общаться. Даже Ханна снизошла до беседы на уровне «привет, что нового». Но нос все еще продолжала задирать. А вот причина такого поведения неуловимо изменилась. Если раньше это происходило из-за моего нежелания общаться только в «правильной компании», то теперь некоторое высокомерие объяснялось тем, что мой дар совершенно никак себя не проявлял. И самое интересное в этом было то, что я сама ощущала по данному поводу досаду.

Ко мне и моей неопределенной ситуацией с магией ребята относились с любопытством. Однако, то и дело я ловила на себе сочувственные взгляды, и это меня ужасно раздражало. Даже Элси, с которой мы теперь общались довольно много, время от времени принималась уговаривать меня «не вешать нос», «верить в лучшее и в то, что дар обязательно себя проявит». В итоге чем дальше, тем больше я ощущала свою ущербность среди всех этих людей. Чувствовала себя... пустышкой?

Это злило. И, чтобы не изводиться, я развила бурную деятельность. Я упросила мэтра Далтона назначить мне допол-

нительные задания. Я изводила мэтра Корнби вопросами о том, может ли общий уровень магии расти, если дар явно себя не проявляет. Ведь если одинаково развиты оба полюса одной оси, общий уровень должен быть неизменен. Четкого ответа я не добила, но помучила преподавателя знатно. Не удивилась бы, если в следующий раз, увидев, как я иду к нему с вопросами, он оставил бы мне многозначительно кивающую иллюзию самого себя, а сам тихонько выскользнул в дверь. Завелась я настолько, что не побоялась задать уточняющие вопросы мэтрисс Фрейзер и даже удостоилась некоторой похвалы.

Единственным человеком, который не демонстрировал и тени жалости ко мне, а, наоборот, подтрунивал и подсмеивался, была Алисия.

– Быстро же ты переобулась в другие туфли. Я думала, какое-то время еще продержишься. А ты вон как – недели не прошло, уже метишь в великие маги.

– Да какие там великие маги.

– Ну тогда в невеликие, – ехидничала рыжая бестия.

– Пусть бы и в невеликие, а то вообще непонятно в какие.

И обратно мне нельзя, и тут ничего не выходит. Болтаешься где-то посредине, как демонова луковица в пустом бульоне.

– Богатенькие девочки привыкли получать все и сразу?

– Алисия уже открыто потешалась. – Наберись-ка ты терпения, раз уровень растёт, то и дар, очевидно, есть. А, значит, со временем о себе заявит. Ты лучше о другом подумай.

– О чем это?

– Что надеть в выходной. Или ты не хочешь съездить в Лиденбург?

–Я? Конечно хочу! Ты все-таки решила взять меня с собой?

– Ну должна же я получить обещанные мне вкусности. Ну вот. Хочу столичных, не меньше! Отвезу свои заказы, заодно и тебя выгуляем.

Сердиться на эту нахалку было решительно невозможно.

Неделя пробежала быстро. По шестым дням недели уроков у нас не было. День был отведен на самостоятельную работу, посещение библиотеки, выполнение домашних заданий и участие в разного рода обществах и кружках (которые должны были начаться чуть позже). А еще именно этот день негласно был в нашем общежитии постирочным. За небольшую плату девочки-водницы вместе с воздушницами стирали и сушили личные вещи всех желающих учениц. Делалось все это довольно быстро и аккуратно. Одним дополнительная практика и заработок, остальным—качественные и недорогие услуги.

Сама Алисия тоже без дела не сидела. Брала заказы: заряжала артефакты и лампы, работающие на огненной магии, чинила простенькие техномагические механизмы. Уровень дара огневички был не слишком высок, но владела она магией отлично, тонкие работы были ее коньком.

– Если не получится поступить в академию, пойду учить-

ся в колледж на техномага. На хлеб с маслом себе всегда заработаю и без крыши над головой не останусь, — заявляла она.

Моя беспечная жизнь показалась вдруг какой-то ненастоящей.

Наступил долгожданный выходной. Встали мы пораньше. Надоевшая за всю учебную неделю форма отправилась в шкаф, мы же облачились в более нарядные платья. Взяли сумочки. Я — небольшую, с кошельком и письмом от Лиз, в котором она просила купить в столице подарок для Джейн — только-только вышедшую книгу ее любимой писательницы, что-то про любовь и магию. Просторная сумка Алисии была доверху забита заряженными артефактами.

Сначала было решено покончить с делами — развести по двум адресам ее заказы и зайти в книжный за подарком для Джейн. Когда обнаружилось, что книжная лавка есть всего в нескольких кварталах от ее адресатов, Алисия предложила разделиться, ведь «все равно там учебников по магтехнике нет, только романчики разные, скука смертная». И мы договорились встретиться здесь же на углу, минут через тридцать-сорок.

Лавка мне понравилась. Уютная, небольшая, чистенькая и светлая. Книги я обожала. Поэтому долго бродила между стеллажей, рассматривая все подряд, беря ту или иную книгу в руки и читая наугад выбранные отрывки. Мое внимание привлекала книга «Как развиваться в себе магию жизни.

Простые и эффективные упражнения». Ее я решила купить и тщательно изучить.

Погуляв по лавке, я, наконец, вспомнила, с какой целью вообще сюда пришла, и вытащила из сумочки письмо Лиз. Так... посмотрим... Ариэлла Харт «Школа магии. Как влюбить в себя директора.». Ужас какой! Я попыталась представить, кому может прийти в голову влюблять в себя пожилого лысеющего миста Хортон, но моя фантазия позорно капитулировала. Вообразив неловкость, с которой буду просить это у продавца, я решила сама поискать книгу в новинках. Это мне удалось почти сразу. Книга нашлась недалеко от прилавка, кричаще-яркая, с изображением экзальтированной пары с выпученными глазами, которые должны были символизировать безумную страсть. Я потянулась к полке и взяла один экземпляр. Пока я замороженно разглядывала эту чудовищную безвкусицу, прямо над моим ухом раздалось внезапное:

– Вот так встреча! И какими ветрами в столицу занесло нашего воробышка?

От неожиданности я чуть не подпрыгнула, резко повернулась и увидела перед собой смеющиеся голубые глаза и знакомую возмутительную улыбку миста Диксона, чтоб его демон приобнял.

– Что вы тут делаете? - выпалила первым делом. — Вы же, кажется, учились в Брэдфорде?

– Перевелся в столицу. А вы, мисси...

– Мистресс Эмма Дженкинс, с этого года я учусь в ШРА-Ме.

– Их ты! Вы полны сюрпризов, — улыбнулся Диксон (какого, спрашивается, рожна я еще помню его имя?) — А это, стало быть, ваше учебное пособие.

Он невежливо ткнул пальцем в новинку Ариэллы Харт.

— И как успехи с директором? – улыбка его стала совершенно невыносимой.

Что я там размышляла о неловкости? Вот сейчас я готова была сквозь землю провалиться от стыда.

– Восхитительно, — буркнула, костеря в мыслях этого хама, Ариэллу Харт, Джейн и себя заодно.

– Какой у вас дар? – к счастью, Диксон сменил тему.

– А никто не знает.. И ось тоже, — быстро добавила я, едва заметив, что мой визави захотел что-то спросить. – Возможно я виталист, но это совершенно не факт.

– Вот как? – молодой маг выглядел слегка озадаченным. Но надолго его, к сожалению, не хватило. — Кстати, вы нарушаете традицию.

– Традицию?

– Мы общаемся уже несколько минут, а вы еще на меня не упали.

– Зато вы верны себе. — Я постаралась произнести это довольно едко. — И все время меня подначиваете.

– Смущать девичьи умы — мое хобби, — «покаялся» Эверт.

– А, ну тогда идите, смущайте, — я подбородком указала на только что вошедшую в магазин молодую даму столь свирепого вида, что подходить к ней я бы поостереглась.

– Нет-нет, – картинно ужаснулся нахал, — тут даже я бессилен.

Когда мы выходили из лавки со своими покупками, я так увлеченно пыталась рассмотреть, что же приобрел голубоглазый маг, что не заметила ступеньку и, споткнувшись, чуть не влетела ему в спину. К чести Диксона он уже галантно распахнул дверь одной рукой и успел развернуться, подхватывая меня другой.

– О, вот теперь я совершенно спокоен, – с непроницаемым лицом произнес он. – Есть все-таки на этом свете незывлемые вещи. Не беспокойтесь: падая в мои объятия, вы ничуть не падаете в моих глазах.

Решив, что бесполезно ему что-то объяснять, я поскорее приняла вертикальное положение и постаралась придать своему лицу выражение безмятежности, несмотря на клокоющую внутри ярость.

– Всего хорошего, мист шут гороховый.

– И вам того же, воробышек... О, прошу прощения... Ми-стресс воробышек, совсем запоматывал.

На этом мы и расстались.

Алисия уже ждала меня в условленном месте. Судя по довольному выражению лица и нетерпеливому притопыванию, встречи ее прошли удачно, и теперь ей хотелось скорее от-

метить это вкусной выпечкой.

Полакомившись, мы набрали еще печенья и разноцветных драже, чтобы иметь в своей комнате запасы сладостей на неделю, и в Распределитель вернулись только под вечер. Даже спать легли пораньше, утомленные долгими прогулками и разъездами.

Сегодня я вижу обрывки сновидений. Словно кто-то взял из синематографа пленку, нарезал на куски, перемешал их, стер половину, склеил в случайном порядке и все полученное решил продемонстрировать мне.

Мы снова сидим за столом в мастерской Лая. Все напряжены до предела: Эд крепко, до побелевших костяшек, сжимает пальцы в замок, Тери опустил голову и отгородился ото всех козырьком сложенных пальцев, Рид стучит по полу каблуком, Лай... Лай торопливо роется в ящиках стола.

– Нам нужно что-то совсем простое, — приговаривает он, — лучшие серебро.

– Что-то, что не привлечет внимания, — не поднимая головы произносит Тери

– Что меньше всего похоже на серьезный артефакт, — это Рид.

– Мм.. кажется, вот это может подойти. — Лай что-то достает из недр ящика. Обрыв.

... Мы передаем по кругу большую серебряную чашу. Каждый по очереди делает на ладони надрез обсидиановым но-

жом, собирает кровь в ладони, а затем выливает ее в чашу темным, почти черным ручейком.

Лай закидывает в чашу серебряную вещицу, Тери что-то бормочет, выливает туда что-то из колбы, Рид делает над чашей сложные пасы, на какой-то момент на руках и лице его проступают черные вздувшиеся вены, потом все проходит, но друг резко бледнеет, лоб его покрывается испариной. Он кивает и передает чашу Эду.

— Добровольно делюсь кровью и жизнью. Клянусь всегда быть рядом. — Эд делает глоток из чаши и передает ее Риду.. Обрыв

— Все понимают, к чему это может привести? — Лай смотрит в глаза каждому по очереди.

— Мы все равно передохнем все по одному, — зло выплевывает Рид. — Тилль ни при каком раскладе не оставят в живых, я лучше повешусь, чем присягну этому уроду. А вы, — он обратился к Эду, Тери и Лаю — сможете спокойно жить с этим?

Мне становится страшно. Не потому, что это может плохо для меня кончиться, — я уже смирилась с этим. А потому что из-за меня могут пострадать друзья.

— Вчера я слышал беседу деда с отцом, — глухим голосом говорит Тери. — Они окажут ему поддержку.

Рид сжимает кулаки.

— А если нам сбежать? — предлагаю я. — Эд может на-

бросить на нас иллюзию.

— Нас переловят, как птенцов, — качает тот головой. — Моих сил не хватит, чтобы сделать пять настолько плотных иллюзий. И... — он медлит, собираясь силами, — мой род тоже намерен примкнуть к нему..

Обрыв.

Последний глоток достается мне.

Я вынимаю из чаши окровавленный медальон на цепочке и надеваю его на себя.

Лай подталкивает к моей руке нож.

— Тилли, завершай.

Я беру нож, острием прокалываю подушечку пальца, жду, когда скопится побольше свежей крови и, прикладывая окровавленный палец к медальону, произношу, как договаривались.

— Выполняйте обещанное.

Обрыв.

Я резко просыпаюсь, сердце колотится как ненормальное. Рука сжимает мамин медальон. Я прихожу в себя. Надо же, я так привыкла к медальону, что и во сне он со мной. Я вспоминаю кое-что еще: Тилли, Тилль. Вот и последнее имя найдено.

Глава 8

Письмо Эммы к Лиззи

Лиззи, у меня потрясающие новости.

Но сразу я тебе о них не скажу. Можешь назвать меня занудой, но сначала тебе придется читать о моих обычных и скучных школьных событиях (не смей сразу смотреть в конец письма).

Как ты знаешь, уже почти два месяца я учусь в ШРА-Ме (так и вижу, как ты закатываешь глаза, прочитав эту фразу). И здесь принято выбирать себе дополнительные занятия по интересам. О первом своем занятии я тебе уже писала – я выбрала курс правоведения у мэтрис Фрейзер. А на этой неделе я записалась еще на одно. Никогда не угадаешь, на какое именно. Курс истории, ты можешь себе это представить? О причинах этого выбора я напишу тебе когда-нибудь попозже, но можешь смело объявить об этом Джейн и другим девочкам, они точно удивятся.

На прошлых выходных мы с Алисией снова ездили в Лиденбург, и это был настоящий день встреч. Сначала, гуляя по бульварам, мы встретили нашу бывшую соседку Аннабель. Она делала покупки и спешила в шляпную мастерскую. Мама писала недавно, что она вышла замуж за своего уса-того ухажера и переехала в столицу, но я не думала, что в таком огромном городе мы с ней увидимся, да еще и так

скоро. Тем более странно, что тем же днем мы наткнулись на еще одного знакомого — миста Диксона (ты точно его помнишь, он застукал нас в саду Степлтона вместе со своим другом). Он прогуливался с какой-то дамой весьма выдающихся ммм. достоинств. Я повела себя ужасно и вместо того, чтобы обозначить приветствие легким кивком, невоспитанно фыркнула. Право слово, столица могла бы быть и побольше.

Ну а теперь я перехожу к главной новости. Кажется, я и вправду, маг жизни!

Дело было так. К Алисии пришли гости. Несколько девушек с ее курса и пара ребят. Пока веселая компания сплетничала, угощаясь чаем с печеньем, я решила потренироваться в магии. Сидя за рабочим столом, я пыталась сконцентрировать свою силу сначала в солнечном сплетении (как советовали в моей книжке), потом в ладонях, а, затем передать ее моей главной жертве экспериментов – ростку фасоли в горшке. Так я и сидела, держа руки над растением, стараясь не отвлекаться на смех и оживленную болтовню. Вдруг над моим ухом что-то взжжжхнуло, чпокнуло, а растение неожиданно выкинуло новый сочный лист.

Я радостно обернулась к ребятам, так хотелось поделиться радостной новостью, и увидела, что они, побледневшие, смотрят на меня, выпучив глаза.

Алисия бросилась расспрашивать, все ли со мной в порядке. Оказалось, одна из гостей, воздушница, показывала сво-

ему товарищу какой-то хитрый магический прием. А дальше то ли кто-то толкнул ее под руку, то ли она сама сплочовала и потеряла концентрацию, но вполне себе боевое заклинание соскочило с ее пальцев и понеслось в мою сторону. Слава Источнику, оно прошло рядом, не попав в меня и, должно быть, развеялось (хотя Алисия утверждала, что неслось оно четко в моем направлении). Воздушница так напугалась, что мы успокаивали ее целый час. Вот в таких обстоятельствах я открыла в себе дар.

Правда, когда мэтр Далтон снова обследовал мою ауру, он не увидел там ничего нового. Хотя сила моя снова выросла и теперь составляет почти три уровня, сама ось по-прежнему не активна. Но зато теперь я знаю, что у меня дар жизни, хоть он и проявляется так странно.

Жду от тебя новостей. Твоя Эмма

Я растерла уставшие пальцы и сложила письмо для Лиз в заранее подписанный конверт. Если бы было так же просто отложить куда-то свои мысли. Особенно те, которые не можешь пока ни с кем разделить.

Я не написала Лиз причину своего внезапного интереса к истории. А с ней все было очень и очень непросто.

На прошлой неделе после обеда я собиралась на индивидуальный урок с мэтром Далтоном. Времени до занятия оставалось еще довольно много, а кабинет наставника оказался закрыт, и я решила прогуляться по коридорам второго этажа.

Я медленно шла, то глаза в окна (но как назло, ничего интересного там не происходило), то разглядывая портреты в старых золоченых рамах, висящие на стенах. Строгие мужчины и женщины, в основном, уже в возрасте, одетые в тяжелый бархат или плотный атлас темных, коричнево-бордовых тонов. Похоже, это часть портретной галереи семейства, которому принадлежало когда-то это поместье. Я пыталась найти под картинами поясняющие таблички или подписи, но тщетно.

Так я дошла до площадки, куда выходили двери всего двух кабинетов. В простенке между дверями висела еще одна картина – в центре ее стоял с важным видом молодой человек лет двадцати. Слева от него расположились две девушки в бело-розовых платьях с высокими прическами и в кружевных перчатках. А справа – мальчишка, младше меня на пару лет. Широкоплечий, с серьезным взглядом темных глаз и немного насупленными бровями. С непослушными русыми прядями волос, которые он привык отбрасывать назад легким движением головы. Передо мной стоял Лай. Стоял таким, каким я видела его еще в самом начале своих странных снов – и я легко могла представить, как он скачет на своем коне, как лазит с нами по деревьям и как, преклонив колена к земле и призывая свою стихию, готовится дать отпор нашим врагам. И вот он перед моими глазами, смотрит на меня с портрета сквозь толщу времени. И это не сон.

Вот как, оказывается, это бывает, когда сталкиваются два

совершенно разных мира. Пол не уходит у тебя из-под ног, небо не падает на землю. Ты просто стоишь и пытаешься понять, какого демона здесь происходит. До этого момента я и подумать не могла, что мои странные сны могут быть как-то связаны с реальностью.

Теперь же я четко понимала, что существует нечто, что связывает меня с этой историей. И, еще не представляя масштаба всех грядущих событий, пообещала себе, что сделаю все от меня зависящее, чтобы разобраться в этом всем.

Как замороженная я смотрела на портрет. Сколько времени прошло – две минуты или двадцать? Вряд ли я смогла бы ответить на этот вопрос. В чувство меня привела мысль: «меня ждет мэтр Далтон». И я поспешила к кабинету наставника.

– Да, да, — услышался голос мэтра Далтона, — проходите, мистресс Дженкинс, выбирайте испытуемого на сегодня.

Он плавно повел рукой в сторону широкого подоконника, на котором в несколько рядов стояли горшки с растениями. Я подошла в указанную сторону и, почти не глядя, взяла небольшой горшок с едва проклюнувшимся сочно-зеленым ростком. В ботанике я была не сильна, и к какому виду он относится, не сказала бы даже под страхом самых ужасных кар.

– Мэтр, а вы не знаете, кому раньше принадлежала эта усадьба? - как можно беззаботнее спросила я.

– О, вы интересуетесь историей? – обрадовался настав-

ник.

– Пока я вас ждала, я гуляла по коридорам и обратила внимание на портреты. Они показались мне частью семейной галереи.

– Да, портреты примечательные, – согласился мэтр и задумчиво погладил свою бородку. – Раньше это усадьба принадлежала одному знатному роду. Так что вы совершенно правы: эти портреты — изображения членов одной семьи. Загородная резиденция графов Солсбери — вот чем была наша школа до Смуты. Потом случилась вся эта историческая свистопляска, многие родовитые семьи распались, кто-то сбежал, кого-то казнили.. Лихое было времечко.

Так или иначе, поместье отошло государству. Какое-то время здесь был музей. А не так давно его передали Распределителю. Солсберри были сильными магами земли и артефакторами, и в подвалах сохранились отлично оборудованные лаборатории. Так что вашим юным коллегам с отделения земли, можно сказать, повезло. Ну, а у нас тут.. Ну-ка, ну-ка, что выбрали сегодня?

И наставник с интересом заглянул в выбранный мною горшок.

– Ммм, фиалка бархатная, отличный выбор. Давайте начнем с того упражнения, которое мы разбирали на прошлом занятии.

Дальше я уже не слушала. Сердце снова прыгало в груди, теперь от радости.

– Солсбери, Солсбери, Солсбери, – слово крутилось в голове безостановочно. Значит, все правда. Он был. Они были. Имя было важно. Оно якорем сцепляло реальность с моими снами. Но требовались еще доказательства.

Занятие тянулось бесконечно долго. Я механически кивала на замечания наставника, изображала активную деятельность, что-то записывала в тетрадь, но внутри ощущала себя сжатой пружиной, которая только и делает, что ждет нужного момента, чтобы выскочить.

Мэтра я сегодня ничем не порадовала. И когда раздалось такое долгожданное «на сегодня, пожалуй, хватит», с такой прытью бросилась собирать вещи в сумку, что это могло показаться невежливым. Но сегодня и это не могло меня смутить или заставить хоть сколько-нибудь замедлиться. Мне очень, очень-очень нужно было в библиотеку.

Библиотека располагалась все в том же огромном главном корпусе, но в противоположной части от той, где находился кабинет мэтра Далтона. Пока я шла туда по гулким коридорам (шла быстрым шагом, хотя, Источник свидетель, старалась осаживать себя, насколько это было возможно), все придумывала, как бы без лишних вопросов раздобыть интересующую меня информацию. Не потому что я кому-то не доверяла или боялась, скорее это было что-то настолько личное, что хотелось оставить только для себя. По крайней мере, пока я не узнаю про них больше.

Полноправной хозяйкой библиотечных премудростей бы-

ла мэм Пинч – дама зрелого возраста, по совместительству супруга миста Пинча, преподающего у воздушников один из профильных предметов. К делу своему она подходила очень ответственно, и, по мнению многих учеников, книги любила намного больше людей. Основную свою задачу эта достойная мэм видела в том, чтобы оградить бесценные источники знания от нерадивых учеников, поэтому на руки книги выдавала очень неохотно. Вот и сейчас, подойдя к стойке библиотекаря, я могла наблюдать, как она отказывалась выписать книгу долговязому светловолосому парню, в котором я к неудовольствию своему узнала Стена, мотивируя это тем, что «вас много тут таких ходит, а книг этих всего три экземпляра осталось».

– У, ведьма, – тихо, чтобы не услышала мэм Пинч, шепнул побежденный Стен, направляясь к столу читального зала. И тут увидел меня. Остановился, ухмыльнулся, поправляя белобрысую челку, но ничего не сказал. Станный тип.

– Вам, мистресс? – тем временем выжидательно уставилась на меня библиотекаряша из-за строгих тонких очков.

– Добрый день. Мне, пожалуйста, что-нибудь по истории магии – о великих магах жизни и магах земли. И еще, если есть, что-нибудь по истории женского костюма, для театральной постановки, – смиренным тоном попросила я.

Мэм Пинч неопределенно хмыкнула и тут же решила внести ясность:

– Книги только в читальном зале.

– Конечно-конечно, – меня это вполне устраивало. Еще не хватало врать о «театральных постановках» Алисии.

В ожидании книг я глазела по сторонам, и мой взгляд то и дело останавливался на Стене. Наверное потому, что других знакомых в зале не было. Тот сидел, подперев рукой щеку и небрежно листал довольно объемный том, периодически делая пальцами свободной руки разные пасы –повторял заклинания.

Мэм Пинч вернулась с тремя книгами в руках – две из них выглядели довольно внушительно, а вот третья походила скорее на тонкий альбом. Когда я расположилась в читальном зале со своим уловом, я обнаружила, что это альбом и есть, а точнее сборник дамских портретов от средних веков до наших дней. Две же другие книги представляли собой тома энциклопедии по истории магии : «История магии жизни» и «История магии земли». То, что надо.

С нетерпением я открыла книгу о магах земли, страстно желая отыскать какое-то упоминание о семье Солсбери. И довольно быстро нашла. Их род, оказывается, был одним из тех, кто стоял у истоков артефакторики. Даже один из законов этой науки был открыт лет триста назад неким Адамом Солсбери (и, судя, по представленному портрету, я видела изображение этого ученого мужа в одном из коридоров главного корпуса). Здесь я вспомнила для чего, собственно просила пособие по истории дамской моды. Нужно было определить временной промежуток, в который жил Лай ... и все

они. Источник, мне до сих пор не верилось в реальность происходящего. На портрете ни даты, ни подписи художника я не нашла. Мужская мода не столь изменчива, а вот женская меняется из года в год. Наряды девушек на портрете я запомнила хорошо, и хотела посмотреть, какому времени они соответствуют.

Половину альбому пролистала не глядя – ни древние времена, ни средневековье, ни «галантное» время меня не интересовали. А вот последнюю треть альбома просмотрела очень внимательно. Открытые плечи, слегка задрапированные шифоном, утянутые «рюмочкой» талии, пышные короткие рукава, высокие прически – все говорило о том, что портрет, на котором был изображен Лай с братом и сестрами, был написан незадолго до Смуты. А учитывая то, что в последних моих снах юноша выглядел лет на пять старше, чем на портрете, искать какое-либо упоминание о Лае нужно было во время самой Смуты или даже позже.

Я снова обратилась к энциклопедии. Правление Эдуарда Третьего. Не то. Ригард Первый. Тоже мимо. Ригард Второй. Вот это уже похоже на правду. Но сколько я не листала страницы, фамилии Солсбери больше не нашла.

С тем я и отправилась в общежитие: надо было приготовить уроки на завтра и подумать над дальнейшим планом моих поисков. Идею ходить в библиотеку каждый день и просить книги по интересующей меня тематике отменяла сразу — и недели не пройдет, как мэм Пинч (а то и кто-нибудь из

знакомых) догадается, что я что-то ищу. Тогда-то я и придумала записаться на дополнительный курс по истории.

А через пару недель мне приснился очередной сон.

Я медленно прихожу в себя. Холодно, тело затекло, голова раскалывается при малейшем намеке на движение. Я лежу на чем-то жестком и холодном. С трудом разлепляю глаза – и вижу только абсолютную темноту. Хочу дотронуться до лица — и понимаю, что руки надежно зафиксированы. Паника.. Я пытаюсь вспомнить хоть что-то, кричу, но не слышу своего крика, зову на помощь, но тщетно. От бессилия бьюсь затылком о непонятную плиту, к которой привязана, и тут зрение и слух возвращаются. И я понимаю, что не видеть и не слышать — это благо.

Большой мрачный зал, спертый воздух, колеблющийся свет факелов. Я лежу на огромном столе, распятая на нем, словно бабочка на листе бумаги. Стол расположен в центре начерченной на каменном полу звезды с магическими рунами. Я словно в детской страшилке или бредовом сне. Да вот только проснуться не получается.

Поворачиваю голову, и меня прошибает холодный пот: рядом со мной, задумчиво глядя на начертанные на полу линии, стоит тот, кто превратил мою жизнь и жизни моих друзей в Бездну. Изящным жестом отряхивает пальцы от мела и поднимает взгляд на меня. Взгляд холодного, бесстрастного палача. Я замираю от этого страшного взгляда, и от того, что сам он так похож на Рида в этот мо-

мент. Кровь стынет в жилах, и страх сковывает похлеще цепей. Последнее, что я помню — как друзья пытались защитить меня от этого негодяя. Но их нет, а он — есть. Значит.. значит..

— Очнулась.. — кивает маг, — отлично.

— Что... что вы собираетесь. делать? — жалкий вопрос, произнесенный еще более жалким, прерывающимся голосом. На ответ я не особенно рассчитываю, но этот.. отвечает.

— Положить конец вашему щенячьему бунту, — голос его спокоен.

Он подходит ко мне совсем близко.

— Не хочу, чтобы в самый ответственный момент из-за ваших выходов все сорвалось. Глупо. Это было глупо, а глупость, видишь ли, наказуема.

Жесткие пальцы сжимают мой подбородок, льдистый взгляд припиливает к алтарному камню ... Я задыхаюсь от этой непрошибаемой, тяжелой, холодной силы.

— Н-да, будь ты умнее, могла бы пожить еще года два-три, а так.. Смотри и запоминай, к чему приводит скудоумие. — Ловушка пальцев разжимается, но урод склоняется надо мной, сдергивая с моей шеи артефакт — подвеску.

Перед глазами полыхает, пространство идет волной. «Снятие иллюзии», — механически отмечаю про себя. Оглядываюсь в ужасе, и ненавижу это чудовище еще больше — на четырех лучах звезды, на коленях, со склоненными голо-

вами, стоят Рид, Лай, Тери и Эд. Нет-нет-нет! Запрещенная магия воды – магия крови, превращающая любого человека в послушную марионетку. Источник, во что мы ввязались! И все из-за меня. Слезы безвольными ручейками бегут по щекам. Лучше бы я просто сдохла.

– Сдохнешь, — спокойно обещает гад, — и дружков своих захватишь. – Милые мальчики решили провести запрещенный ритуал и выкачать жизненные силы из своей подружки, моей потенциальной невесты, кстати, но поторопились и перепутали направление потоков — не от жертвы, а к ней. Как думаешь, что произойдет, когда схема активируется?

«меня разорвет от направленной на меня магической энергии, — отстранено понимаю я, — и ребят высосет до суха, если не остановить поток. Но этот палач не остановит»

– Там же ваш сын. — Это до сих пор не укладывается у меня в голове.

– О, я буду вдвойне безутешен, — он произносит это настолько безразлично, что меня мутит. – Пусть посмотрят, что бывает с теми, кто встает у меня на пути.

«Энченцио сангрия!» - его внезапный окрик раскалывает пространство — «Рапидо!»

Плотная, осязаемая волна холода проходит по жилам, выстудив саму жизнь, сковав потоки слез наледью.

Повинуясь жестам мага, коленапреклоненные друзья хва-

тают лежащие перед каждым из них ножи и дергаными, ужасающе синхронными жестами надрезают ладони. Лишенная возможности даже рыдать, я медленно умираю вместе с ними.. Как же я ненавижу в сейчас этого гада..!

«Чтоб ты сдох, тварь... Чтоб ты сдох, чтоб ты сдох...»

В ту минуту, когда потоки сил синхронно бьют в меня, я думаю только об этом. Я не чувствую боли, ненависть захлестывает меня. Я смотрю на него в упор и повторяю «Сдохни, сдохни, сдохни за все, что ты с нами сделал». Ладони и грудь печет, и я наконец-то кричу, дергаюсь. И вижу, как тугие темные лучи прошивают пространство от меня к отцу Рида. На миг на его лице появляется выражение изумления, а затем он вспыхивает и осыпается на каменный пол черной горкой тлена...

– Эм-ма, эм—ма ! Проснись, давай же... – я пришла в себя от того, что меня трясла Алисия.-- Вот молодец. Ты так меня напугала! Что тебе снилось? Ты же рыдала в голос.

Я дрожащей рукой прикоснулась к щеке – мокрая, соленые ручейки стекали по шее на ворот ночной сорочки.

– На-ка, попей воды, — Алисия ловко подсунула мне под нос стакан и помогла его придержать. Сама бы я сейчас вряд ли с этим справилась. – Видишь, все в порядке, это просто сон.

Я кивнула. Да. просто сон. Просто очередной демонов кошмар. Из чьей-то реальной жизни. А через мгновение на меня снова накатили воспоминания, и пришлось опять пить

воду, стуча зубами о стекло, и она снова оказалась солонатовой на вкус. Больше заснуть этой ночью не получилось.

Глава 9

Прошло две недели. Снов мне больше не снилось, чему я была очень рада. Дар мой по-прежнему отказывался проявляться, даже крошечного листика на растении мне так и не удалось вырастить. Тем временем мои одноклассники уже перешли к работам в отдельных теплицах, где лечили или восстанавливали отдельные части растений (это более тонкая и поэтому более сложная работа). Взгляды мэтра Далтона, бросаемые на меня, день ото дня становились все мрачнее и мрачнее. А уж после того, как мне в очередной раз измерили уровень дара, и оказалось, что он подскочил до четырех с хвостиком единиц, наставник решил взяться за меня всерьез.

В итоге почти каждый день после обеда по часу, а то и больше, я под его руководством проводила в мучительных попытках активировать дар виталиста. И упражнения становились все изощреннее : то я должна была долго концентрироваться на своих ощущениях, то, наоборот, приходилось делать все быстрее и наобум. Как-то раз мэтр Далтон даже специально напугал меня, подкравшись и громко крикнув в тот момент, когда я сосредоточенно пыталась ощутить пульсацию ладоней, поднесенных к ростку. Эффекта все равно не было (нужного, я имею ввиду, так-то я от неожиданности подскочила, отдавив ножкой стула ногу мэтру и заодно лег-

ким взмахом руки разбив горшок с испытуемым растением).

Свободное от занятий и уроков время я проводила в библиотеке, пытаясь найти хоть какую-то информацию, способную пролить свет на события моего последнего сна. Гибель сильнейшего мага воды, главы рода да еще при таких странных обстоятельствах должна была быть зафиксирована. Но ни в энциклопедии по истории магии, ни в учебниках истории я подобного не нашла. И это расстраивало ужасно. Очень бы многое отдала, чтобы узнать, остались ли они живы после тех событий, их полные имена, и что именно меня с ними связывает.

Единственное, что пока мне было понятно: соединительной нитью между мной и ребятами из моих снов служил мамин медальон — украшение, из которого Лай сделал некий артефакт, связывающий их всех. Информация... Мне не хватало тех кусочков информации, из которых можно сложить всю картинку целиком.

Неожиданную помощь мне, сама того не ведая, оказала мэтрисс Роджерс на дополнительных занятиях по истории.

Помимо внушительного списка исторической литературы, которую надо было прочесть в дополнении к основному курсу, она обязала нас завести специальные альбомы, куда мы должны были еженедельно клеивать значимые с нашей точки зрения вырезки из свежих газет, ибо «именно эти, привычные для вас новости, со временем сформируют то, что мы зовем историей». На этих словах меня и осенило: я

не там искала, совершенно не там. Энциклопедии могли что-то скрывать (если ничего значимого с научной точки зрения герои моих сновидений не открыли). А вот газеты тех времен молчать о подобных происшествиях не стали бы. Значит, мне нужно отыскать подшивку газет той поры. Я с трудом дождалась конца занятий, чтобы, побросав в сумку вещи, поспешить в библиотеку.

К моему разочарованию с газетными подшивками в школе было негусто. Несколько специальных изданий, связанных с магтехникой и педагогикой – вот и весь выбор. Надо полагать, разочарование так явно проступило на моем лице, что мэм Пинч не могла не поинтересоваться, зачем мне, собственно, понадобились такая малоценная для учеников вещь, как старые газеты. Повезло мне дважды. В том, что мэм Пинч и мэтрисс Роджерс были подругами. И в том, что мэм Пинч нежно любила историю и всякого рода архивы.

– Это вам в библиотеку Далвертона надо, милочка. Вот где отличная подборка книг и подшивки газетные имеются. Мэтрисс Роджерс сама туда частенько навещается. Да, Далвертон ценит свою историю, и краеведческий музей там отличный. Хотя, раз вы у мэтрисс Роджерс на дополнительных занятиях, вам от него и так не отвертеться. А библиотеку очень рекомендую.

Вот так и вышло, что ближайший выходной я провела в Центральной библиотеке Далвертона. Алисия проводила меня до самого здания, но дышать со мной пылью веков отка-

залась наотрез.

Первым делом я взялась за написание небольшого сообщения по заданию мэтрисс Роджерс. А покончив с ним, надела перчатки-артефакты и с трепетом принялась листать подшивки газет столетней давности. Конечно, сами газеты хранились с защитными артефактами, и перчатки помогали работать с ними максимально аккуратно, но само осознание того, что я прикасаюсь к живой истории, к тому, что когда-то было свежим, новым, актуальным, определенно волновало. Первые полчаса. Потом я с головой погрузилась в ворох пожелтевших «записок истории», пытаюсь отыскать в этом огромном стоге сена маленькую иголку.

От сильного напряжения строчки начали сливаться, и разобрать что-либо стало сложно. К этому времени я просмотрела почти все, что по датам относилось к Смуте. И не нашла ничего меня интересующего – ни упоминания фамилии Солсбери, ни сообщений о внезапной гибели мага-водника.

Через час должна была вернуться Алисия, и мне уже начало казаться, что я что-то просмотрела, упустила, и вообще вряд ли что-то удастся разузнать. Задав в себе этот приступ уныния, я приступила к просмотру следующих подшивок. Добралась до последнего года правления Ригарда Второго, подивилась причудливым новостям из раздела светской хроники. И вдруг споткнулась о небольшую заметку в тревожной темной рамке:

С прискорбием сообщаем, что в ночь с 22 на 23 день второго месяца осени в городском особняке рода Винтеров произошло несчастье. В результате трагического случая при магическом эксперименте пострадали пятеро младших представителей аристократических семей. Их наставник, глава рода Винтер, лорд Уильям Граймс Винтер погиб, защищая своих подопечных. Сами молодые люди – Эдвин Алджерстон, Ридли Винтер, Клайв Солсбери, Теренс Хелльдегейм и Матильда Голдвинг доставлены в Королевскую Лечебницу в тяжелом состоянии. Подробности трагедии выясняются отделом Магического Контроля.

Я перечитывала эту заметку несколько раз. Но не понимала ее смысла. Пять последних имен — вот что казалось самым важным. Эд, Рид, Лай, Тери, Тилль.. Еще одно доказательство, что они действительно были. Дрожащей рукой я записала их полные имена на последнем листе своих конспектов по истории и только потом обратила внимание на огромное несоответствие.

«Магический эксперимент»? «Защищая своих подопечных»? Как ЭТО можно было принять за магическую практику? Даже Тилли, не обладающая даром, сразу поняла, чего ожидать от этих «экспериментов». И роль отца Рида в этой всей истории ... Вряд ли Магконтроль не смог выяснить, что там произошло на самом деле. Почему же тогда они так все это представили?

Алджерстон, Хелльдегейм – имена этих древних магиче-

ских родов в нашей стране были известны всем. По крайней мере, всем, кто когда-либо учился в средних классах и изучал историю родного государства. Одни из основных зачинщиков Смуты, мечтавшие вернуть монархию и власть старейших магических родов. Сильнейшие в своем даре. Алджертоны – менталисты, специализирующиеся на иллюзиях, нынешним магам только и мечтать о подобном могуществе. Хелльдегеймы – маги смерти, внесшие огромный вклад в развитие магической науки и особенно преуспевшие в запрещенной сейчас военной морталистике. Оба рода уничтожены как главные виновники Смуты и разжигатели гражданской войны.

«Мой род тоже намерен примкнуть к нему», «они окажут ему поддержку» – внезапно всплыли в памяти обрывки моего сна. Род Алджертонов и род Хелльдегеймов собирались оказать поддержку... лорду Винтеру? Он должен был возглавить восстание? Спаси Источник. Жестокий тиран, имеющий доступ к магии крови. Неудивительно, что Тилли и ее друзья готовились к самому худшему. И, если бы не произошедшее, кто знает, как повернулось бы колесо истории.

Все смешалось в моей голове, я уже ничего не понимала, но механически продолжала листать подшивку дальше, пробегая глазами заголовки статей.

Один заголовок все же смог привлечь мое внимание. “*Зафиксировано самое сильное снижение уровня силы Источника за двести лет*». Сосредоточившись, я начала вниматель-

но читать статью. *«Группа исследователей из отделения Магического контроля сообщает, что ими зафиксировано резкое снижение уровня силы Источника. Причины этого явления выясняются. В последний раз подобное происходило около двухсот лет назад. Тогда ученые связали это с незаконными исследованиями магии крови. После этого данная отрасль магии была категорически запрещена в нашем государстве».*

– О, книжный червяк! Ты все копошишься в своих газетах? – Звонкий голос, показавшийся оглушительным в тишине читального зала, возвестил о том, что Алисия вернулась. – Ну-ка закругляйся. Тут на соседней улице есть вполне приличная кондитерская, я уже голодна как дикий зверь.

Я машинально захлопнула папку с подшивками. Перед глазами еще плясали мушками буквы. Да, Алисия, пожалуй, права. Пора заканчивать на сегодня.

– Нет, Эмма, ты мне не нравишься. Пропылилась насквозь в своей библиотеке. Вся эта историческая ерунда тебе явно не на пользу, – в очередной раз сообщила мне огневичка, когда мы подходили к территории ШРАМа. И я хотела было ей ответить, но заметила силуэты, направляющиеся в нашу сторону.

– Эй, Уилби, давай-ка отойдем, поговорить надо!

Голос Стена я узнала раньше, чем опознала в отлепившейся от стене тени его хозяина. И была уверена, что подруга в свойственной ей манере объяснит ему, куда он может направ-

виться со своими разговорами. Но Алисия удивила. Произнесла задумчиво: «Ну давай... поговорим». И тихо бросила мне: «Не уходи, я скоро».

Парочка переговорщиков отошла в сторону. Слышно их не было, но я внимательно следила за ними. Мне казалось, что хамоватый белобрысый тип может обидеть мою соседку. Не удивительно, что я не заметила, как приятели Стена подошли ко мне ближе.

– Надеюсь ты не против компании двух приятных кавалеров? – спросил невысокий, тощий, весь какой-то вертлявый, словно из шарниров собранный, парень.

– И где же они? – поинтересовалась вполне искренне.

«Шарнирный» сразу перестал кривляться и недобро посмотрел в мою сторону.

– А это мы! — его широкоплечий, спортивного вида приятель, явно имел куда большую выдержку.

– А, тогда нет, спасибо, – и я окончательно отвернулась от этих «кавалеров» чтобы продолжить свои наблюдения.

А с переговорами что-то явно шло не так. Стен активно пытался взять Алисию то за руку, то за плечо. Подруга же, продолжая что-то ему говорить, уворачивалась от его прикосновений. Я покрепче сжала в руках пакет с выпечкой, готовясь прийти на помощь в любой момент.

– О, рыжая тоже с гонором, как и ты, — влез со своими непрошеными замечаниями вертлявый. – И очень напрасно: со смазливими гордячками всякое может произойти.

– Это угроза? — холодно осведомила, призвав в помощь все поколения аристократов в моем роду.

– Просто размышления, — осклабился этот неприятный субъект.

– Свои размышления извольте держать при себе. – Я постаралась добавить еще больше льда в голос, радуясь, что последний не дрожит, а звучит довольно уверенно.

Шарнирного перекосило, а вот «спортсмен» присвистнул, больше восхищенно, чем озадаченно. Это я отметила фоном, основное же мое внимание было сосредоточено на Алисии. Взвинченная, она бросила какую-то фразу в лицо Стене, развернулась на каблуках и зашагала в мою сторону. Я поспешила ей навстречу.

– Он неплохой, — произнесла через какое-то время подруга, – и не могу сказать, что мне он безразличен. Но связался совершенно не с той компанией.

– Приятель Стена пытался мне угрожать, — в свою очередь сообщила я Алисии.

– Это мелкий такой, склизкий? – Алисия прищурила глаза и изобразила масляную ухмылку «вертлявого». – А, не бери в голову. Койот Гленн противный, но тот еще трус. В следующий раз напомни ему, что твой дядя — крупный делец, и он сам будет обходить тебя стороной.

Письмо Эммы к Лиззи

«Дорогая Лиз, прости, что так долго не писала. Послед-

ние недели совершенно меня измотали. Днем постоянно находятся неотложные дела, а вечером сил хватает только, чтобы доползти по кровати. Ты спросишь, чем же я так ужасно занята. Сейчас попробую тебе ответить.

Начать с того, что за меня с моим злосчастным даром взялся не только мой наставник, но и собранная им недавно комиссия. Они мучили меня все это время после обеда и до ужина — измеряли демонову гору параметров, заставляли проходить разные тесты, выполнять упражнения и задания, чуть ли не шаманские обряды проводить. И все это с подключенными датчиками ауры. Даже несчастный цветок из нашей комнаты, на котором я Источник ведает как умудрилась вырастить листик, пришлось предъявлять. Комиссия полдня его рассматривала, уж не знаю, с какой целью. До чего они в итоге этого всего договорились, мне сообщать не стали. Хорошо, что я догадалась подслушать через щелку в приоткрытой двери.

Сначала они все переругались, потом долго спорили, не зная, что со мной дальше делать. Потом оказалось, что они боятся нагоняя из Магконтроля (скоро, как я поняла, должна приехать проверка). В итоге сошлись на том, что в следующем полугодии меня отправят в группу к морталистам. Изучать ось дара с другой стороны, так сказать. Мне уже, честно говоря, все равно, сил мучиться над несчастными ростками уже никаких. А один вид мэтра Далтона вызывает во мне ужасное чувство вины и жгуче-

ние извиниться за то, что мой демон дар никак себя не проявил, несмотря на все усилия этого доброго мэтра.

Потом мы узнали от мэтрисс Фрейзер, что Алисия будет в следующем полугодии рекомендована к поступлению в Лиденбургскую Академию Магии от ШРАМа (а это вступительные экзамены на более мягких условиях и на несколько месяцев раньше, чем для общего потока поступающих), и ей пришлось в ближайший же выходной явиться в приемную Академии с направлением и документами. Разумеется, я поехала с ней. И знаешь, что я хочу тебе сказать? Похоже, учиться в этой Академии примерно то же самое, что учиться на паровом вокзале — настолько там огромные и торжественные здания и корпуса, и столько там народа. Красиво, мрачно и очень шумно.

И вот в этой толпе абсолютно чужих людей, я умудрилась встретить нашего общего знакомого. Даже не буду утруждать тебя ребусами, ты и так легко вычислишь, что это тот самый мист Диксон. Он стоял в одном из залов в компании других студентов, когда мы с Алисией плутали по зданию в поисках нужного нам кабинета. Он точно меня видел и даже узнал, судя по удивленному взгляду. Но я сделала вид, что не заметила его и непринужденно (очень хочется в это верить) прошла мимо. В конце концов, мало ли на свете таких эвертов диксонов?

Расскажи мне, как ма и па, что нового у тебя самой у девочек в школе? Ужасно жаль, что вам не удастся про-

ведать меня на каникулах из-за этой поездки. Но, с другой стороны, рада, что у па так удачно идут дела, и предприятия его расширяются. Кстати, я снова видела Анабель, и снова в парке Лиденбурга. Она передавала всем наилучшие пожелания.

Любящая тебя Эмма

P.S. Передай, пожалуйста, Джейн, что я отказываюсь идти за новой книгой Ариэллы Харт . «Магконтроль моего сердца»? Серьезно? Нет-нет, больше я такого позора не переживу.»

Запечатав конверт с новым письмом, я встала и прошлась по комнате. Пришлось признаться себе, что я несколько покривила душой: да, конечно, я очень соскучилась по своим родным. Но еще больше мне хотелось побыть одной. Вся эта беготня последних недель так меня вымотала, что хотелось просто есть, спать, ничего не делать и ни с кем не разговаривать. Еще мне очень не хватало свободного времени, чтобы наконец, уложить в голове все, что я знаю о Тилль и ребятах. Скоро такая возможность мне представится: Алисия уезжает на каникулы к младшим братьям и сестрам. И я смогу несколько дней побыть наедине сама с собой.

Зря я рассказала Элси о том, что после каникул меня собираются переводить в группу магов смерти. Она, конечно, поделилась этой новостью с Шейлой, та пришла в восторг, и возжелала непременно помочь мне в постижении этой слож-

ной науки и перезнакомить меня заранее со всем своим классом. Помимо этого зазнайка Ханна каким-то образом сдружилась с компанией Стена (как это произошло, не заметила даже Шейла, а уж она-то о своем брате многое знала), и теперь вся эта дружная команда при встрече непременно старалась нас задеть. Не сказать чтоб успешно, но все-таки это раздражало. В итоге времени на отдых оставалось не так много.

По вечерам я обдумывала ту информацию, которую нашла в библиотеке, и ту, которую почерпнула из своих странных снов. И вот к каким выводам пришла.

Лет сто назад жили-были несколько ребят-подростков — маги-аристократы, младшие дети четырех влиятельных семейств. Как-то так случилось, что они взяли под свою опеку девочку, тоже аристократку, но без магических способностей, которую не жаловали многие их сверстники. Шли годы, эта забота переросла в искреннюю дружбу, когда все друг за друга горой. У одного из юношей в наличии оказался амбициозный и жестокий отец, сильный маг, желающий большей власти. Незадолго до Смуты он потерял жену (сама ли она умерла или он ее извел, непонятно), и решил жениться на нашей героине — девочке-«пустышке». Зная о его характере, все понимали, что ничем хорошим для девушки это не кончится. И друзья решили ее защитить: тайно провели некий ритуал, «зарядили» артефакт- медальон. Что они там делали, я не очень поняла, но, думаю, и запрещенной магии

там хватало.

Через некоторое время тиран при поддержке древних магических родов решил захватить власть. К тому времени он уже прекрасно знал, что его сын и предполагаемая невеста с друзьями пытаются идти против него. И решил избавиться от проблем одним махом — заманил их в ловушку, чтобы убить, инсценировав запрещенный ритуал, практически жертвоприношение. Но что-то пошло не так, и вместо того, чтобы погубить Тилли и ее друзей, магия ударила в самого злодея и убила его.

Дальше всю эту ситуацию обнаруживает Магконтроль, но почему-то в качестве официальной версии выдает совершенно не то: это не жертвоприношение, а несчастный случай, а злодей — не злодей, а благородный защитник, павший смертью храбрых. Потом след друзей теряется. А через десятилетия я становлюсь обладательницей того самого медальона (полученного мной от мамы). А еще через восемь лет мне начинают сниться сны про ту самую девочку и ее друзей. Вроде бы, ничего не забыла.

И, конечно, вопросов пока больше, чем ответов. Как в мою семью попал этот странный артефакт? Просто ли куплен или подарен, или же это нечто большее, и я — прямой потомок Матильды Голдвинг? Зачем лорд Винтер хотел жениться на девушке-пустышке? Как именно медальон должен был защищать свою хозяйку? Что не сработало в плане Винтера? Почему он погиб так странно (судя по картине из мо-

его сна, погиб он от магии смерти, но шла она от Тилли, как такое возможно)? Почему Магконтроль скрыл правду о произошедшем? Как сложилась судьба девушки и ребят (да и вообще, выжили ли они после того страшного случая)? Почему именно мне стали сниться эти сны? Не лезу ли я случайно в такие вещи, в которые вообще не стоит нос совать?

Глава 10

Каникулы закончились как-то быстро. Наступил первый день нового полугодия. Меня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.